

Сергей Шаповалов

Дорогами Илархов

книга вторая
Персидский поход

12+

Сергей Шаповалов

**Дорогами илархов. Книга
вторая. Персидский поход**

«Автор»

2020

Шаповалов С. А.

Дорогами илархов. Книга вторая. Персидский поход /
С. А. Шаповалов — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99713-4

Перед вами захватывающий исторический роман о великом Персидском походе Александра Великого. Но не он главный герой романа. Герои – простые воины: честные, бесстрашные, знающие цену настоящей дружбы, которую невозможно измерить золотом. Их ждут опасные приключения. Судьба порой ставит их перед жестоким выбором. Но настоящие ксаи всегда выходят из битвы победителями.

ISBN 978-5-532-99713-4

© Шаповалов С. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Дорога пятая	5
Искандер	5
Непокорный город Тир	39
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Шаповалов

Дорогами илархов. Книга вторая. Персидский поход

Дорога пятая Армия Македонии

Искандер

Исмен и Томирис под конвоем македонских всадников подъехали к опустевшему лагерю персов. Тишина и безлюдье. Ветер носился между осиротевших шатров, закручивая вихри серой пыли, трепал пологи, таскал по земле какие-то грязные тряпки.

Кругом беспорядок. Персы покидали лагерь в панике. Сперва старались захватить самое ценное, но потом и это бросали. У въезда лежала опрокинутая на бок повозка. Кувшины, сундуки – все вывалилось. Еще несколько распряженных возов, кое-как нагруженных доверху добром, сбились в кучу. Постромки на дышле перерезаны или грубо оборваны. Удиравшие персы отвязали лошадей и ускакали, побросав все.

Где раньше располагалась кухня, царил хаос. Валялись перевернутые жаровни. Темнели на земле лужи масла, посреди которых, как острова, торчали останки разбитых кувшинов. Рассыпались овощи из упавших корзин. Только мешки с зерном по-прежнему продолжали лежать ровной стопкой.

В центре лагеря, в окружении покинутых роскошных шатров военачальников остался стоять огромный желтый купол покоев правителя. Флаги с крылатым солнцем тоскливо трепетали на ветру. Неугасающий огонь еще теплился в чаше алтаря, возвышавшейся на прямоугольном постаменте из белого мрамора. Но ни надменных слуг, ни грозных охранников...

Пленников заставили слезть с коней и усадили возле шатра Дараявуша. Вскоре в лагере появились щитоносцы, вооруженные короткими копьями и круглыми гоплонами. Они заглядывали в палатки и шатры, вытаскивали женщин, прислугу, не успевших удрать или попросту брошенных своими хозяевами. Всех пленников сгоняли к загону для лошадей. Женщины выли, слуги молили о пощаде. Но щитоносцы все делали безмолвно, безразличные к слезам и мольбам.

Усталые пехотинцы входили в лагерь, неся на плечах длиннющие сариссы. Некоторые тут же валялись на землю в изнеможении. Раненых приносили товарищи и осторожно укладывали на расстеленные плащи. Раненые стонали, иногда вскрикивали, когда лекари приступали к осмотру. Мимо Исмена и Томирис провели шеренгу понурых, ободранных пленных кардаков.

– Почему ты не ушла с остальными? – с упреком спросил Исмен.

– У Кольцо-Горы мы клялись умереть вместе. А ты один решил, – огрызнулась Томирис.

Крикнула громко охраннику: – Эй, я пить хочу.

Македонянин зыркнул зло на нее сквозь прорези маски шлема и отвернулся. Исмен подобрал камушек, швырнула в щитоносца. Снаряд звонко стукнулся о шлем. Гоплит никак не отреагировал.

– Вот это – дрессировка! – удивилась девушка.

Напротив, расселись прямо на голую землю несколько лучников. Кувшин с водой пошел по кругу. Воины жадно пили. Вода струйками стекала из уголков рта на включенные бороды,

бежала по жилистым грязным шеям. Тела лоснились от пота. Короткие красные туники с открытым правым плечом пестрели рыжими пятнами крови.

– Аримах где? – забеспокоился один из лучников. – Кто-нибудь его видел?

– Жив он, – безразлично ответили ему. – Погнался за персами. Сам-то чего не побегал?

Пару пленных бы привел.

– Мне в колено камнем с пращи попали. – Он показал посиневшую ногу. – Пока в горячке – еще хожу. Завтра наступить невозможно будет.

– Колено, – презрительно фыркнул лучник невысокого роста с короткой шеей и небольшими, но сильными руками. – Андроника, видел? Его конем придавило. Еле вытащили. Иначе растоптали бы.

– А Сатара копьем в лицо ударили, – мрачно сообщил кто-то. – Я сам видел.

– О! Обозные крысы пришли, – с презрением воскликнул воин с разбитым коленом. –

Надо вина у них попросить.

– Не дадут. Пока всю добычу не перепишут, вина не дадут, – безнадежно махнул рукой его товарищ.

Шустрые юноши, именуемые «обозными крысами», обшаривали шатры, выносили ценности, оружие, одежду. Все складывали порядком в одном месте. Несколько писцов осматривали трофеи, скрябали палочками по дощечкам, покрытых глиной. За всей работой с важным видом следил старший грамотей¹.

Подъехали несколько всадников. Один из них крикнул сидевшим лучникам:

– Помогите!

Те вскочили, осторожно сняли с коня воина и уложили на плащ. У раненого из плеча торчала стрела Томирис.

– Это же Неарх, – воскликнул воин с разбитым коленом.

– Неарх, – подтвердил его товарищ. – Лекаря сюда! Скорее!

Подбежал сухопарый старичок, склонился над несчастным, попробовал вынуть стрелу. Раненый взвыл.

– Александр! – прокатился по лагерю радостный крик. – Слава Александру!

Кавалькада на взмыленных лошадях неслась меж шатров, поднимая пыль. Белые плащи с золотым узором по кайме, грязные, изодранные. Из льняных доспехов топорщилась клоушьями рваная материя. Небольшие куполообразные беотийские шлемы с вмятинами. Плюмажи из конских волос на макушках растрепаны. Их возглавлял невысокий коренастый юноша без шлема на высоком белом скакуне. На вид ему можно было дать лет двадцать. Молодое, гладко выбритое, волевое лицо выглядело усталым, но счастливым. Светлые кудри до плеч развивались от быстрой скачки. Всадники остановились у шатра Дараявуша. Все воины вокруг дружно кричали, сотрясая оружием:

– Александр! Победитель!

Ему помогли слезть с коня. Юноша поморщился от боли, ступая на раненую ногу. На бедре зиял глубокий порез.

– Лекаря! – крикнул один из телохранителей.

– Не надо, – остановил его юноша. – У меня пустяковая рана.

– Александр, но у тебя течет кровь, – не унимался телохранитель.

– Конечно – кровь. А ты думал белая ароматная жидкость, как у богов? – усмехнулся он.

Александр встал на колени возле одного из раненых, осмотрел разбитую голову.

– Апелекс из первой таксы, – узнал он воина.

– Да, гегемон, – слабо прохрипел раненый.

¹ Грамотей – должность в армии, род архивариуса или копченармуса.

– Я помню тебя. Ты служил еще моему отцу Филиппу и сражался при Херонее. Как же тебя ранили?

– Эллинские гоплиты просочились в разомкнутый строй, когда мы преодолели реку. Меня подло ударили мечом сзади.

– Поправляйся. Ты нужен мне. Кто поведет в бой молодых, фалангистов?

Он подошел к другому лежавшему воину. Помог лекарю снять льняной панцирь с груди раненого.

– Авромах. Ты опять полез в самую гущу. Даже я с другого фланга слышал твой львиный рык, когда ты кидался на вражеские копья.

– Не хочу отставать от тебя, гегемон. Ты же не щадишь себя.

– Тебя ждет достойная награда. Только не вздумай долго хворать. Ты мне нужен.

Он осмотрел третьего воина. Но раненый находился без сознания. Лекарь обреченно пожал плечами.

– Дайте мне монету в один обол, – попросил Александр у товарищей. Ему протянули монету. Он осторожно разжал зубы несчастному и вложил медный кругляшек в рот. – Пусть Харон² благополучно перевезет тебя на другой берег.

В это время старик лекарь все еще пытался вынуть стрелу Томирис. Его подопечный рычал, вскрикивал, изгибаясь всем телом.

– Филипп, ты мне Неарха так калеккой сделаешь, – остановил его Александр.

– Прости, гегемон, – развел руками лекарь. – Я мастер готовить снадобья, вправлять кости, пускать кровь, но стрелы вынимать у меня плохо получается.

– Дай, посмотрю. – Александр растолкал всех и наклонился над раненым. – Два острых ножа и щипцы, – приказал он. – Филипп, раздвигай ножами рану. Вот так. – Раненый зарычал. – Потерпи, Неарх. Сейчас выну занозу.

Раненый громко застонал, выгнулся.

– Все! – успокоил его юноша. Он внимательно осмотрел почерневший от крови наконечник, присвистнул: – Трехгранный. Это не персидская стрела.

– Скифская, – подсказал кто-то.

В дальнем конце лагеря поднялся крик. Несколько конюхов пытались сдержать взбесившегося коня. Цырду не понравилось, что его разлучили с хозяином. Он разметал конюхов, и понесся по лагерю, грозя растоптать раненых. Щитоносцы попробовали его отогнать, но конь развернулся и саданул одному из них в грудь задними копытами. Воин, крикнув, отлетел шагов на пять и растянулся на земле. Цырда поскакал дальше, вставал на дыбы, лягался.

– Да уймите же его, – закричал Александр. – Покалечит кого-нибудь сейчас.

Один из щитоносцев замахнулся копьем.

– Не надо! – дико заорал Исмен.

Он вскочил и бросился к коню. Охранник попытался его удержать, но Исмен увернулся, проскочив между рук. Подбежал к Цырду и вцепился ему в шею.

– Стой, Цырда! Тише! Мой хороший. Это я. Успокойся, – ласково уговаривал его Исмен.

Конь постепенно присмирел, тяжело храпел и ластился к хозяину, жалуясь.

– Мальчик и конь, – задумчиво произнес Александр. – Гефестион, тебе это что-то напоминает?

² Харон (др.-греч. *Χάρων* – «яркий») в греческой мифологии – перевозчик души умерших через реку Стикс (по другой версии – через Ахерон) в Аид (подземное царство мертвых). Сын Эреба и Никты. Изображался мрачным старцем в рубище. Харон перевозит умерших по водам подземных рек, получая за это плату (навлон) в один обол (по погребальному обряду находящийся у покойников под языком). Он перевозит только тех умерших, чьи кости обрели покой в могиле. Только золотая ветвь, сорванная в роще Персефоны, открывает живому человеку путь в царство смерти. Ни при каких условиях обратно не перевозит.

– Еще бы! – воскликнул высокий красивый юноша, снимая помятый беотийский шлем с головы. – Только, мальчишка на тебя не похож, а, вот, конь – вылитый Буцефал.

– Кто он?

– Скиф, – сказал воин в черных доспехах. – У Дария есть отряд массагетов. Мальчишку схватили, когда он прикрывал отход. Представляешь, бился как лев. Из-за него пэоны упустили вражеских всадников.

– Вот этот дохлый воробей остановил пэонов? – не поверил Александр. – Сколько ему лет?

– Не успели спросить. Но этот птенчик двоих покалечил. Вот, и Неарха – тоже.

– Так это его стрела?

– Оставь ты эту стрелу. Смотри, что мальчишка носил на голове. – Он протянул гегемону шлем.

Александр очень внимательно осмотрел медный блестящий купол, погладил осторожно пальцами фигурку льва с женской головой.

– Клянусь Зевсом.., – удивленно вымолвил он. – Шлем, как у Афины Паллады?

– А ты помнишь, кто его заказал у лучшего афинского оружейника?

– Ты уверен? Это именно тот шлем?

– Абсолютно, – кивнул черный всадник. – Вот, надпись: С победой в Пеллу или с позором в землю.

– Мальчишку ко мне, – резко приказал гегемон.

Исмену позволили отвести Цырда в загон. После его повели к шатру Дария. Под пологом царило веселье. Витали пары вина, воняло потом, кровью и кожей. Македоняне, еще не сняв доспехи, праздновали победу. С удовольствием уничтожали винные запасы великого правителя Персии. На резном походном троне кшатры устроился Александр с золотым кубком в руках. Перед ним на низком столике для угощений лежал шлем Исмена и стрела с черно-красным оперением.

– Смотри, Александр, какая огромная ванна, – кричал Гефестион, пытаясь перекинуть ногу через край золотой купели.

– Не смей, свинья ты эдакая, – одернул его коренастый чернобородый воин. – Куда ты лезешь своими грязными ногами.

– Я хотел окунуться в купель Дария, – оправдывался Гефестион, все еще держа занесенную ногу над краем ванны.

– Теперь все здесь принадлежит Александру. И купель тоже – Александра. А ты без спроса суешь в нее свои вонючие конечности, – объяснил ему воин.

– Да тут столько ароматных масел! Целое состояние, – оставил он купель и принялся нюхать содержимое множества изящных керамических флакончиков, стоявших рядами на мраморном столике.

– Бери их все себе, – небрежно бросил Александр. – Теперь ты понял, что значит – быть правителем великой державы.

– А это кто прячется?

Гефестион обошел золотую купель и вытащил за шкуру пухлого маленького человека в длинной дорожной одежде. Тот прижимал к груди шкатулку черного дерева, украшенную серебром и драгоценными камнями.

– Что ты там держишь? Покажи! – приказал Гефестион.

Человек упал на колени перед Александром и протянул ему шкатулку.

– Что это? – удивился гегемон. – Говори.

– Не скажет, – взглянул на него Черный Клиг. – Это евнух, мастер ароматных ванн. Обычно этим прислужникам, помимо мужского достоинства, еще отрезают языки, чтобы не болтали то, что случайно услышат. Похоже, в этой шкатулке хранится скипетр власти.

Александр отставил золотой кубок, взял из рук слуги шкатулку.

– Не открывай! – попытался остановить его Гефестион. – А вдруг, там змея.

Александр расхохотался:

– Было бы смешно: уничтожив непобедимое персидское войско, умереть от укуса гадины.

Он снял крышку. Все затихли, с удивлением заглядывая внутрь.

– Пуста, – пожал плечами Александр.

– Да как ты посмел! – замахнулся кулаком на слугу Клит.

– Не бей его! – остановил черного воина Александр. – Он же не виноват, что Дарий убежал вместе со скипетром. Подумаешь... Мне не нужна его сверкающая безделушка. Я и без скипетра покорю Персию. А шкатулка очень красивая. Отныне в ней буду хранить творение Гомера: «Илиаду», что мне переписал Аристотель.

– Слава нашим предкам, покорившим Троию! – воскликнул Гефестион, поднимая кубок.

– Слава Александру, потомку Ахилла! – подхватили все и выпили до дна.

Входили усталые воины, обнимались с товарищами, поздравляли друг друга с победой.

– Много пленных, Филота? – спросил Александр у статного воина, примерно его лет.

– Много, Александр. Даже не знаю, что с ними делать, – ответил тот.

– А сколько из них предателей-эллинов?

– Эллинов несколько человек, и те – раненые. Наемники Дария смогли пробиться к горам и ушли, – виновато развел он руками.

– Жаль! – металлическим голосом сказал Александр.

– Гегемон, – вошел старший из обозников. – Один из пленных рассказал, что Дарий оставил казну в Дамаске.

– Филота, найди Пармениона, – тут же распорядился Александр. – Пусть он с двумя илами фиссалийцев скачет в Дамаск и захватит золото.

– Позволь мне возглавить экспедицию. Отец вымотался в сражении. Годы его уже...

– Он воин, прежде всего, – холодно прервал его Александр. – Я требую, чтобы Парменион отправлялся в Дамаск.

– Слушаюсь.

Филота вышел из шатра.

Гегемон наконец заметил Исмена, до сей поры стоявшего у входа, и попросил всю веселую компанию притихнуть. Стражник толкнул Исмена вперед. Александр внимательно и долго изучал пленника.

– Ты знаешь, кто перед тобой? – наконец спросил он.

– Нет, – честно ответил Исмен. – Тебя называют Александром.

– Перед тобой сын Громовержца, повелитель Македонии и Азии, – гневно вскричал Гефестион.

– А ты из Великой Степи? Массaget? – поинтересовался гегемон.

– Я с гор Кавказа.

Пробежался удивленный ропот.

– Сколот?

– Сирак. Но воспитываюсь в племени аорсов.

– Каллисфен, – окликнул гегемон высоколобого человека, явно – не воина. – Что там у Геродота про сираков и аорсов написано?

– Есть такие в перечислении племен, живущих по берегам Танаиса, – сообщил ученый.

– Вот, откуда тебя занесло. – Гегемон повертел в руках кубок, любясь искрящимися изумрудами на ободке. – И зачем ты служил Дарию, этому трусливому псу? Племена с берегов Танаиса не подчиняются Персии, насколько мне известно. Ты жаждал получить за свою кровь много золота? Он щедро оплачивает наемников?

– Меня золото не интересует, – ответил Исмен.

– Что же тогда? – взгляд гегемона загорелся любопытством. Исмен заметил: глаза гегемона были разного цвета. Хоть в шатре царил полумрак, но все равно заметно: один глаз светлее другого.

– Я хотел стать настоящим воином – ксаем.

– Интересно! – гегемон уселся поудобнее. – И что такого героического в этих ксяях?

– Они защищают слабых, справедливо судят споры, охраняют покой кочевников и землешцев.

– Ты хотел защищать слабых и вершить суды? – В разноцветных глазах гегемона затеплилось уважение. – Но откуда у тебя этот шлем?

– Мне подарил его вождь сколотов.

– Надо же! – задумчиво произнес Александр. – Я встречаю в Персии мальчишку в шлеме Филиппа, который он потерял в походе на Истре – на другом краю ойкумены³.

– Это – знак, – твердо сказал черный всадник.

– Это – знак, – закивали все.

– Аристандр, наш великий прорицатель, растолкуй мне, – потребовал гегемон.

Седобородый старик в белой гиматии подошел ближе, взглянул на мальчика, потом на шлем и уверенно сказал:

– Хороший знак! Филипп из страны Аида⁴ шлет тебе поздравление с великой победой. Ты же прочитал его послание, что выбито на шлеме: «С победой в Пеллу или с позором в землю».

– За победу! За Александра! – тут же закричали все, поднимая кубки.

– Послушай, скиф, – обратился к Исмену гегемон. – Сколько ты хочешь за этот шлем и за коня?

– Я же – пленник. Ты можешь все у меня отобрать, – удивился Исмен.

– Не могу, – покачал головой гегемон. – Если Аристандр решил, что ты посланник моего отца, ни один волос не должен упасть с твоей головы. Говори: сколько хочешь. Плачу золотом.

– Я не разбираюсь в золоте, – пожал плечами Исмен. – Если тебе нужен шлем, – забирай даром.

Все вокруг одобрительно зашумели.

– Коня мне тоже отдашь? Конь у тебя отменный, но дикий. Я люблю таких.

– Прости, но коня отдать не могу.

– Не дерзи повелителю! – пригрозил Клит.

– Коня не отдам! – твердо повторил Исмен.

– Почему? – потребовал объяснения гегемон.

– Цырды – мой боевой товарищ. Нас может разлучить только смерть.

– Он говорит, как истинный фиссалиец, – восхищенно произнес один из воинов в фиолетовом плаще. – Скажи, там, откуда ты родом, поклоняются божеству – Покровителю коней?

– Кони – дети бога Фагимасада, как люди – дети Папая. Мы имеем равные права на земле и должны уважать друг друга. Этот конь – мой брат.

– Каллисфен, о каких богах он говорит? – вновь обратился к ученому Александр.

– Папай – это Зевс. Фагимасад, я полагаю, – Посейдон. Во всяком случае, так их классифицирует Геродот.

³ Ойкумена, экумена, культурная ойкумена (населяю, обитаю) – освоенная человечеством часть мира. Термин введен древнегреческим географом Гекатеем Милетским для обозначения известной грекам части Земли с центром в Элладе. Изначально он обозначал земли, заселенные греческими племенами, позже – земли, заселенные и известные человечеству в целом.

⁴ Аид – в древнегреческой мифологии бог подземного царства мертвых и название самого царства мертвых, вход в которое, согласно Гомеру и другим источникам, находится где-то «на крайнем западе, за рекой Океан, омывающей землю». Старший сын Кроноса и Реи, брат Зевса, Посейдона, Геры, Гести и Деметры. Супруг Персефоны, вместе с ним почитаемой и призываемой.

Вошел юный воин. Он опустил низко голову, стараясь скрыть испарпанное лицо. Но его тут же заметили и принялись подтрунивать.

– Агенор, что с тобой? Пока мы бились с персами, ты с кошкой сражался? – пошутил гегемон.

– Зря смеешься, – обиженно прогундосил юноша.

– Да кто же тебя так?

– Вон, его подруга, – указал юноша на Исмена.

– О чем ты говоришь? Какая подруга? – не понял гегемон.

– Амазонка. Как прыгнет на меня. Вцепилась в лицо. Пальцы у нее, что крючья железные.

– Клит, он бредит? – обернулся Александр к черному воину. – Какая амазонка? Откуда? Амазонки – выдумки Геродота. Аристотель так говорил.

– Настоящая амазонка, – пожал плечами черный всадник. – Именно, как у Геродота: двойной топор, боевой пояс, анаксириды, перевязь кожаная через правую грудь. Да это же она Неарха подстрелила. Ее стрела с трехгранным наконечником.

– А что ты молчал?! – возмутился гегемон. – Надеюсь, вы ее не пришибли?

– Нет.

– Ведите ее сюда! Немедленно!

В шатер втокнули Томирис. Все забыли о вине, уставились на тонкую девушку в кожаной куртке. Разинув роты, разглядывали ее широкий боевой пояс с медными бляхами и кожаный ремень, стягивающий правую грудь.

– Похожа на амазонку, – наконец выдавил изумленный Каллисфен. – Но она же – совсем ребенок.

– Ты амазонка? – спросил гегемон.

– Не знаю, о ком ты говоришь. Я из племени албан, – гордо ответила Томирис, дерзко глядя прямо в разноцветные глаза гегемона.

– Зачем служила Дарию?

– Кому хочу, – тому и служу, – бросила бесстрашно она.

Все недовольно загудели.

– Ты знаешь, что перед тобой сын Громовержца? – зло спросил Клит.

– Из богов я признаю только Аргинпасу.

– Кто такая? – вновь спросил гегемон у Каллисфена.

– По всей видимости, Артемида, – ответил тот.

– Я смотрю, ты ничего не боишься, служительница Артемиды, – холодно произнес гегемон.

– Только – разгневать свою богиню.

– А смерть тебе не страшна?

– Нет! – дерзко ответила Томирис, слишком дерзко.

– Убей ее! – приказал гегемон Гефестиону.

Исмена тут же схватили сзади двое стражников, чтобы он не смог кинуться на помощь к Томирис.

– О, Александр, перед тобой ребенок, – испуганно взмолился Каллисфен.

– Ребенок? Скажи это Неарху, который валяется с пробитым плечом. Гефестион, убей ее! – требовал гегемон.

Тот безжалостно занес меч над головой Томирис и рубанул. Клит в самый последний миг перехватил его руку. Но Томирис даже не вздрогнула. Все с уважением загалдели, удивляясь стойкости хрупкой девчонки.

Гегемон все это время не отрывал взгляда от холодных глаз Томирис, пытаясь разглядеть в них страх, но так и не узрел, ни капли. Удивленно покачал головой.

Имена отпустили. Он подбежал к Томирис и взял девушку за руку. Ледяная влажная ладошка дрожала. Тонкие пальцы больно, мертвой хваткой вцепились в его руку.

Гегемон долго молчал. Все ждали, какова будет его воля. Наконец он приказал:

– Верните им оружие и коней. Они – свободны.

Исмен подумал, что ослышался. Но стражники отступили от них. Томирис чуть ослабила хватку.

Гегемон обратился к нему:

– Послушай, скиф, ты хотел стать воином. Но, служа у такго труса, как Дарий и кучке его разнеженных вельмож, ты только научишься удирать с поля боя. А не желаешь послужить самому сыну Громовержца?

– Я..., – Исмен не сразу сообразил, что от него хотят. – Я свободен? Я могу идти? – пробормотал он.

– Можешь, – подтвердил Александр. – Отправляйся обратно на Кавказ... Хочешь, догоняй Дария. Но я бы тебе не советовал. Зачем служить трусу? А лучше... Запиши их в соматофилаки⁵, – приказал Александр Гефестиону.

– Но, гегемон, а если кто из них двоих всадит кинжал тебе в спину? – предположил старший телохранитель.

– А, вот это – твоя забота.

В шатер заглянул охранник.

– Гегемон, к тебе сын Листрипа, изготовителя осадных машин.

– Что надо ему? – недовольно спросил Александр.

– Говорит, по очень срочному делу.

– Пусти.

Ввалился Софит. Лицо бледное, испуганное. Глаза лихорадочно бегали.

– Дозволь, гегемон...

– Дозволяю, только говори кратко. Я очень устал.

– Вот! – показал он Александру кожаный мешочек, в котором звякали монеты.

– Хочешь заплатить за выпивку с нами? – удивился Гефестион. – Мы так тебе нальем.

– Это все мои сбережения. Но, если мало, я найду еще, обязательно найду, – сбивчиво объяснил Софит.

– Молодец. Бережливый. Только зачем ты нам показываешь свое богатство? – не понял Клит. – Решил похвастаться?

– Нет. Я хочу их выкупить, – указал он на Имена и Томирис. – Если не хватит, я еще у отца займу...

– Откуда ты их знаешь? – подозрительно взглянул на него гегемон.

– Я... Там... Под Галикарнасом, – побледнел Софит.

– Так, ты шпионил на Мемнона? – схватил его за шиворот Гефестион.

– Нет. Я..., – он начал заикаться.

– Это мы его в плен взяли во время вылазки, – вступилась за юношу Томирис. – Потом отпустили.

– Надо же, у амазонки, оказывается, есть преданные друзья среди эллинов, готовые отдать последнее, – усмехнулся гегемон. – Сколько ты хочешь за нее заплатить?

– У меня здесь сто драхм золотом, – потряс мешочком Софит. – Если мало – я займу у отца.

– За такую цену можешь купить трех, нет – четырех персиянок: танцовщиц или музыкантш, – предложил Гефестион.

⁵ Соматофилак – младший воин, подчинявшийся лично полководцу.

– Мне не нужны танцовщицы. Дозволь выкупить этих пленников. Если не хватит, я еще достану...

– Но какая же из амазонки невольница? – засмеялся Гефестион. – Посмотри, как глаза ее дико сверкают. Ты посадишь ее на цепь? Она все равно тебе горло перекусит ночью.

– Я не хочу никого сажать на цепь. Я хотел выкупить и отпустить...

– Мину золотом даю за амазонку! – в шутку выкрикнул кто-то из толпы собравшихся.

– Я даю за нее две мины золотом, – поддержал шутника Гефестион.

– Даю пять! – воскликнул кто-то еще.

– Пять мин и двух коней, – посыпались предложения.

– Десять мин! – перекрыл их Гефестион. – Десять мин за амазонку!

Софит побледнел. Бедный парень чуть не плакал от досады.

– Гефестион, не издевайся над юношей, чье сердце пронзил Эрот⁶. Спрячь монеты, – сказал Клит. – Амазонка и ее брат – свободны. Мало того, они записаны в соматофилаки гегемона. Лучше отведи их к кашеварам, пусть накормят. И скажи стражникам, чтобы вернули оружие – приказ гегемона.

В шатер влетел воин в рваном белом плаще, чуть не сбил с ног Софита, громко закричал:

– Александр! Александр!

Все тут же схватились за оружие.

– Чего ты нас пугаешь, Леоннат? – осадил его Клит.

– Там. Я в одном шатре...

– Говори нормально, – потребовал гегемон.

– Я преследовал персов и нашел на дороге белую колесницу Дария, и плащ его. Этот трус переоделся в простого воина. Удрал вместе с бактрийскими всадниками.

– Пусть удирает. Воин, в сердце которого поселился страх – обречен на смерть, – произнес гегемон. – Где его колесница?

– Я приказал пригнать колесницу в лагерь. Но колесница – это ерунда. Тут такое произошло!

– Да, говори ты толком, не тяни, – начал злиться Гефестион.

– Когда катили колесницу мимо одного из шатров, оттуда вышли женщины, упали на колени и завyli, словно волчицы. Я спросил у евнуха: кто они? Слуга ответил, что это мать кшатры, великая Сисигамба, а рядом с ней жена правителя и две его дочери.

Александр вскочил с трона.

– Веди нас к ним! Немедленно! – воскликнул Гефестион. – Нет, почему это мы должны идти к ним? Тащи их сюда.

– Не смей! – прикрикнул Александр. – Никто не должен видеть женщин. Никто не должен к ним прикасаться. Поставь охрану у шатра. Если они в чем нуждаются, предоставь слуг, еду и питье.

– Но, Александр, – удивился Гефестион. – Ты даже не желаешь осмотреть драгоценный трофей? Говорят, жена Дария – первая красавица Персии...

– Прекрати! – прервал его гегемон и вновь опустился на трон. – Она – хоть и женщина, но не бежала с поля боя, посему остается правительницей. Я нанесу ей визит завтра. Не могу же я появиться перед владычицей Персии грязный, нечесанный, в крови... И передай, Леоннат, пусть не горюют о Дарии. Он жив.

– Да позовите кто-нибудь лекаря, – крикнул возмущенно Гефестион. – Александр, с тебя натекла уже целая лужа крови.

⁶ Эрот — бог любви в древнегреческой мифологии, безотлучный спутник и помощник Афродиты, олицетворение любовного влечения, обеспечивающего продолжение жизни на Земле.

Но гегемон его не слышал. Кубок выпал из руки, расплескивая вино по дорожному ковру. Голова завалилась набок. Александр потерял сознание.

* * *

Теплый вечер укрывал землю мягкими сумерками. Лагерь затихал. Где-то вдалеке светилося зарево от похоронных костров. Исмен и Томирис устроились в кругу бородатых воинов. Одни ели, другие приводили в порядок оружие и потрепанные латы. Спать воины не ложились: им скоро заступать в караул. Софит принес вареного мяса, овощей, рыбу, от которой Томирис сморщила носик. Но глаза ее вспыхнули, когда увидела небольшой медный кратер с фруктами, вареными в виноградном соке.

– Можно с вами посидеть? – Лекарь Филипп устало опустил на землю, прикрыл воспаленные глаза. – Притомился. Столько раненых... Никогда еще так много не было.

– Хочешь мяса или рыбы, – предложил ему Исмен.

– Нет, – покачал он головой. – Крови насмотрелся, меня мутит. Я сейчас чуть отдохну и продолжу осмотр. А Александру вы понравились, – улыбнулся он. – Он очень тонко чувствует людей. Не каждого приблизит к себе.

– Но мы же – враги, – возразила Томирис. – Как он может нам доверять? И откуда он знает, что у нас в мыслях?

– Александр прекрасно разбирается в людях, может заглянуть в каждый закоулок твоей души, выведать все твои тайные замыслы. Не верите? Я вам расскажу одну историю. Когда армия входила в город Тарс, как раз за месяц перед битвой, на пути попала горная река. Конь Александра поскользнулся, и упал вместе с всадником в холодный поток. К вечеру у Александра открылся сильный жар. Армейские лекари умеют вынимать стрелы и прижигать раны, но они понятия не имеют, как лечить воспаленное дыхание. Меня срочно вызвали из Сард. Я мчался без отдыха. Прибыл. Тут же приготовил ему лекарство. Представляете, он принял у меня чашу с лечебным питьем, а взамен протянул лист пергамента. Он пьет мое зелье, а я читаю донос его первого советника. В доносе Парменион обвиняет меня в предательстве. Якобы меня, лекаря Филиппа, за золото подкупил Дарий, чтобы отравить Александра. Я дочитал донос, а он спокойно допил лекарство. «Ты поверил Пармениону?» – в отчаянии воскликнул я. «Видишь, выпил твой яд, – ответил спокойно он. – Но и Пармениону я не имею права не верить. Он честно служил моему отцу, теперь так же честно продолжает служить мне». «Он лжет!» – закричал я. «Парменион не может лгать! – твердо поправил меня гегемон. – Парменион может ошибаться». «Почему же ты доверился мне?» И тогда гегемон ответил: «Лучше пасть жертвой заговора, чем умереть от страха и недоверия». Ох, ну, вроде бы отдохнул. Пойду, займусь ранеными.

Вслед за лекарем поднялись воины и отправились сменить своих товарищей, стоявших в карауле. У костра остались только Томирис, Исмен и Софит. Томирис толкнула локтем Исмена:

– Оружие при нас, – хлопнула она ладонью по своему акинаку. – Коней выведем потихоньку из загона.

– Вы хотите сбежать? – упавшим голосом спросил Софит.

– Хотим, – утвердительно ответила Томирис. – И ты нам в этом поможешь, – не попросила, потребовала девушка.

– Зачем уходить тайно? Мы и без того – свободны, – безразлично ответил Исмен. – Но куда мы направимся? – Он заглянул ей в глаза. – Опять за армией Дария? Я не хочу к персам. Они постоянно проигрывают сражения. Нас били у Граники. А помнишь, какая была огромная сильная армия. Как хвастались персы своим непобедимым оружием, своими подвигами. Потом мы оставили Галикарнас, хотя город считался неприступным: высокие стены, большой гарнизон, помощь с моря – все напрасно. Теперь потерпели поражение здесь, и тоже с огром-

ными силами. Я не хочу сражаться под знаменами тех, кого вечно бьют. Я остаюсь здесь, в армии Македонии.

– А как же Фидар, Колобуд, Уархаг? – напомнила Томирис.

– Фидар сам говорил, что больше не желает служить Дарию. Я надеюсь, он найдет нас.

Уговорю его примкнуть к Александру.

Девушка долго думала, вороша веточкой красные угли в костре, затем согласилась:

– Хорошо. Давай останемся. Посмотрим, как все будет. Во всяком случае, македоняне не относятся к нам с презрением, как персы.

– Конечно же, – обрадовался Софит. – Вы же видели Александра. Македоняне не называют его повелителем или властелином. Он – первый среди равных, – так говорят гетайры. А знаете, как в Македонии выбирают правителя?

– Власть наследуется? – предположила Томирис.

– Не совсем, – возразил Софит. – Надо еще подтвердить личными подвигами и делами, что ты достоин. Все решает воинское собрание. Отец Александра, Филипп не являлся наследником. Когда погиб Пердикка⁷ в битве с иллирийцами, воинское собрание призвало Филиппа возглавить страну и опекать маленького Аминту, сына Пердикки. А после того, как Филипп поднял Македонию с колен и возвысил ее над Элладой, то же воинское собрание признало окончательно в нем правителя, хотя Аминта к тому времени уже достиг зрелого возраста. После смерти Филиппа воинское собрание решало, кому отдать власть: сыну Передикке или Александру. Но за плечами у Александра были громкие победы. Отец доверял ему управление страной с шестнадцати лет. Большинство голосов избрали Александра.

– А где теперь Аминта? – поинтересовался Исмен.

Софит понизил голос.

– Александр приказал его казнить. Обвинил в заговоре против Филиппа.

– Аминта на самом деле был причастен к заговору, или Александр не желал иметь соперника? – хитро спросила Томирис.

– Разве кто-нибудь посмеет обвинить Александра в несправедливости? – пожал плечами Софит. – Да и кому это нужно? Теперь Александр не просто правитель Македонии, он – гегемон-автократ всего Коринфского союза. Аминта такого звания вряд ли добился бы. Не говоря уже о походе в Персию...

* * *

Отряд всадников в белых плащах с золотой каймой выезжал из лагеря. Воины, завидев кавалькаду, вставали и радостно кричали:

– Хайре, Александр! Хайре, победитель!

Гегемон возглавлял отряд, гордо восседая на приземистом крупном коне. Облачение его состояло из простого белого хитона. Поверх красная хламида, скрепленная на плече небольшой серебряной фибулой. Он отвечал на приветствие взмахом руки, улыбался, иногда останавливался, подзывал воинов, спрашивал их о чем-то, одобрительно хлопал по плечу.

К костру, возле которого сидели Томирис и Исмен, подбежал юноша из соматофилаков.

⁷ Пердикка III — македонский царь, правивший в 365–359 г. до н. э. Пердикка, сын царя Аминты III, взошёл на престол Македонии, убив регента Птолемея Алорита, правившего Македонией на правах опекунства. Продолжая политику своего прадеда Пердикки II, нынешний Пердикка воевал с Афинами против Олинфа, и с Амфиполем против Афин. В разраставшемся конфликте между Фивами и Афинами, Пердикка выбрал Фивы, и в Македонию возвратились некоторые из заложников, взятых, чтобы контролировать Птолемея. Склонный к наукам, Пердикка окружил себя философами и геометрами, как именовались в Греции представители точных наук. Едва ли достигнув 30 лет, он в 359 до н. э. погиб в сражении с иллирийцами, где кроме него пало ещё 4 тысячи македонцев (Диодор: 15.71, 16.2). Пердикке наследовал его сын Аминта, но за малолетством его отодвинул от престола Филипп, брат Пердикки. Позднее Аминту казнил в начале своего правления Александр Великий как нежелательного претендента на престол.

– Вам велено взять коней и следовать за гегемоном, – крикнул он. – Пошевеливайтесь!

Томирис и Исмен пристроились в хвост колонне гетайров. Недалеко от бывшего военного лагеря персов стояли высокие шатры придворной знати: поваров, музыкантов, семей высших чиновников. Один из шатров белого войлока охраняли двое вооруженных евнухов. Стражи, завидев всадников, тут же побросали копья и упали на колени.

– Чей шатер? – спросил Александр.

Один из евнухов, не смея поднять взор, проскулил:

– Нашей госпожи Сизигамбес, великой матери кшатра Дараявуша.

– Она не убежала?

– Нет, великий, – вздохнул евнух. – Она в шатре. С ней жена правителя, прекрасная Сатира и дети Дараявуша.

Александр слез осторожно на землю, стараясь не наступать на поврежденную ногу. Шагнул вперед, но не решился заглянуть под полог.

– Что же ты? Входи! – потребовал Гефестион. – Ты победитель. Все здесь принадлежит тебе.

– Она же – правительница, – мялся Александр. Приказал евнуху: – Доложи госпоже обо мне. Скажи: прибыл Александр из Пеллы, сын Филиппа Македонского...

– О, Зевс-Громовержец, – рассмеялся Гефестион, потрянув черными длинными кудрями. – Неужели ты будешь и рабам докладывать о своем появлении?

Он соскочил с коня, решительно откинул полог и вошел первым. Александр последовал за ним. В полумраке шатра, прижавшись друг к другу, стояли женщины в роскошных одеяниях, увешанные золотыми украшениями. Они завyli и упали к ногам Гефестиона. Тот отступил, смущенно пожав плечами. Одна из женщин подползла к нему и взмолилась, протягивая руки:

– Пощади нас, победитель. Пощади невинных детей. Мы не воины, мы не хотели тебе зла, но мы в твоей власти.

– Ты не к тому обращаешься, – пытался Гефестион.

Женщина растерялась. Глядела то на него, то на Александра. Один красавец, высокий, в дорогой пурпурной одежде, с золотым ожерельем, с золотыми браслетами на руках. Именно его она приняла за командующего македонской армией. Второй ниже ростом, коренастый, сухой. Одет просто. На запястьях воинские кожаные стяжки. Разве это правитель?

– Он тоже Александр, – усмехнулся гегемон. – Поднимись, женщина. Твой сан не позволяет валяться у нас в ногах. – Чтобы замять неловкое положение окликнул Леонната: – Позаботься о пленницах. Нет, они не пленницы, – подумав, сказал он. – Они – мои гости. Я оставляю им все привилегии и звания, всех слуг и все имущество.

– А что там за малыш прячется? – увидел глазастый Гефестион маленького мальчика лет шести, притаившегося за спинами женщин. – Иди сюда.

Малыш, разинув рот, несмело подошел к воинам. Женщины вновь заскулили. Александр нагнулся и подхватил малыша на руки.

– Ты кто?

– Сын правителя, – ответил мальчик робко.

– Вот как, – Александр поцеловал его в пухлую щечку. – Тогда ты будешь моим племянником.

Он опустил малыша, и тот сразу же бросился к матери.

– Александр, – в шатер просунулась голова Клита. – Прибыл Парменион. Он привез сокровище, от которого ты потеряешь дар речи.

– Я не теряю дар речи при виде золота, – небрежно ответил гегемон.

– А я и не говорил о золоте.

– Что же тогда? – не понял он.

– Пойдем, сам увидишь.

– Леоннат, проследи за всем, что я приказал, – бросил быстро гегемон. – И разреши им похоронить своих близких по всем обрядам.

Черный Клит ждал возле небольшого, но красивого пурпурного шатра. Загадочно улыбался одними глазами. Когда Александр приблизился, полог шатра откинулся в сторону, и оттуда появилась стройная женщина необычной красоты. На вид ей можно дать около тридцати, но время нисколько не тронула нежное лицо, строгое, слегка вытянутое. Большие темные глаза выражали печаль и испуг.

– Барсина! – воскликнули изумленно разом Александр и Гефестион.

Женщина покорно и грациозно принялась опускаться на колени перед победителем.

– Нет, – опомнившись, потребовал Александр.

– Я в твоей власти, – сказала она грудным бархатным голосом, склонив голову.

Александр густо покраснел, пытался что-то ответить, но у него никак не получалось.

Наконец он произнес глухо:

– Ты не пленница.

Повернулся, намереваясь уйти.

– Как с ней поступить? – окликнул его черный воин.

Александр метнул в него гневный взгляд и раздраженно прокричал:

– Я же сказал: она – свободна.

Женщина юркнула обратно в шатер. Подъехали Исмен и Томирис. Исмен вел за собой коня Клита.

– Спасибо, – буркнул черный воин, взобравшись на коня, и сердито произнес: – Вот и впал в немилость. А хотел обрадовать... – Он повернулся к Томирис: – Девочка, у меня к тебе просьба: пригляди за этой женщиной. Слуги ее разбежались, а она – очень ценный трофей. Упаси Громовержец, кто ее обидит... Александр за один ее волос всем головы снесет без разбору.

– Кто она такая? – удивилась Томирис.

– Барсина, дочь сатрапа Артабаза. Да, и еще вдова вашего друга – Мемнона.

– Но почему Александр разозлился на тебя? – не мог понять Исмен.

– Когда-то они с Барсиной хорошо знали друг друга, слишком хорошо. Эй! – вдруг встрепенулся Клит. – Я вам ничего не говорил!

Фиссалийцы из Дамаска привели огромный обоз, брошенный персидской армией. Помимо множества повозок с добром, несколько великолепных колесниц, покрытых тонкой резьбой и позолотой, пригнали табун отменных коней, рогатый скот и пленников. Среди плененных оказались триста двадцать девять придворных музыкантов и танцовщиц, двести семьдесят семь поваров, сорок шесть мастеров для плетения венков, двадцать девять поваров, обученных специально для приготовления жареного мяса, тринадцать молочников, умевших готовить отличные сыры и взбивать сливки, семнадцать виноделов, семьдесят виночерпиев, определявших по одному запаху сорт вина и выдержку, сорок человек для приготовления ароматных мазей, и множество других мастеров.

Отряд во главе со стариком Парменионом ворвался в Дамаск вовремя, пока казну Дария еще не успели разграбить дезертиры. В сундуках из ливанского кедра он насчитал две тысячи шестьсот талантов в золотых монетах. Весь лагерь только и шумел об этом. Александр приказал раздать воинам вино, щедро заплатить за труды и праздновать величайшую победу.

* * *

На следующее утро Исмена разбудил один из соматофилаков. Исмен спал прямо на земле, укутавшись в плащ. Рядом вповалку лежали другие воины из отряда критских лучников. Томирис ночевала в шатре Барсины. Исмен быстро вскочил, сбегал к ручью умыться. При-

вел одежду в порядок и поспешил к загону. Цырды нетерпеливо рыл землю передним копытом, ожидая хозяина. Исмен угостил друга соленой лепешкой. Закрепил на спине чепрак и вывел из загона.

На площади перед желтым шатром правителя, теперь уже, шатром Александра, собирались гетайры. Все в новой одежде. Кони чищенные. Старые войлочные чепраки сменили на дорогие, персидские. У многих появились роскошные пояса и кривые махайры с чеканными ножами. Гетайры приветствовали друг друга, подняв согнутую в локте правую руку с открытой ладонью. «Хайре!» – отрывисто кричали, здороваясь. И Исмен удостоился той же чести. Его приветствовали, как равного. Даже стало немного неловко, но очень приятно.

– Выспался? – похлопал его по плечу Гефестион, как старого знакомого.

– Вроде, блохи не тревожили, – улыбнулся Исмен.

– Освоился? Это – хорошо, – похвалил его Черный Клит.

– Тебе надо сменить одежду, – указал на толстую куртку Исмена Гефестион. – В коже ходить неудобно. Да и маловата она тебе. Боевой пояс оставь. Пусть оружейник подберет линоторекс⁸ под твою грудь. Можешь одеваться в персидскую одежду: штаны, башлык, но обязательно носи красную хламиду. Все соматофилаки носят красные хламиды, гетайры – золтисто-желтые.

– А можно мне белый плащ с золотой каймой, как у гетайров?

– Нет. Не положено, – покачал головой Гефестион. – Белый плащ надо заслужить.

– А вот и Неарх, – кивком указал Клит на подъехавшего плечистого воина с подвязанной рукой. – Как самочувствие?

– Жжет ужасно, – пожаловался он. – Навек запомню эту скифскую стрелу.

– Смотри, твой товарищ по несчастью, – засмеялся Клит указывая на юного Агенора. – Тебя амазонка стрелой одарила, а с ним обниматься полезла. Еле оттащили. Вся ее страсть на лице осталась.

Гетайры дружно засмеялись. Даже раненый Неарх смеялся, придерживая больную руку. Юноша покраснел и отъехал в сторону. На площадь грациозно выехала Томирис. Все тут же притихли и глупо уставились на всадницу. Начищенный до зеркального блеска шлем, дерзко сиял в солнечных лучах. Лисий хвост на макушке она помыла и расчесала. Новенький синий плащ с затейливым узором, вышитым серебряными нитями, укрывал спину, на груди золотое ожерелье. Каждая бляшечка на боевом поясе искрилась. Копье у правой ноги в чехле; за спиной новенький небольшой щит круглой формы с белой македонской звездой в восемь лучей. Черная лошадка с красной гривой и красным хвостом легко перебирала длинными ногами с перевязанными красной лентой, бабками. Гетайры не знали, как с ней здороваться, все же – девушка. Какая-то неловкость одолела их. Исмен не растерялась, поднял правую руку с открытой ладонью и крикнул «Хайре!». Крикнул так, как будто тысячу раз это делал. Воины сразу же оживились. Все приветствовали Томирис, даже Неарх. Только Агенор стыдливо спрятался за спины товарищей.

– Все в ряд! – скомандовал Филота.

Гетайры выстроились в шеренгу. К ним приближался Александр на белом широкогрудом коне.

– Хайре! – грохнули воины.

Александр подъехал ближе.

– Как ты, Неарх? – спросил он, указывая на подвязанную руку.

– Хоть сейчас в бой! – ответил бодро тот.

– Не держи на девчонку зла, – попросил он.

– Разве я могу злиться на такую красавицу? – ухмыльнулся Неарх.

⁸ Линоторекс – защитный панцырь из многослойного грубого льна.

Щеки Томирис вспыхнули.

– Надо проверить Киликийский поход, – сказал озабоченно Александр. – Аристон, выдвигайся вперед с пэонами. Возьми человек десять. Разведай тропу. Кратер с критскими лучниками осмотрит вершины. Мы следом.

Когда они проезжали мимо стен Иссы, из города высыпала толпа.

– Александр! – кричали люди. – Великий Александр! Победитель! Благородный мститель!

– Откуда столько народу? – обернулся гегемон к Птолемею.

– Вчера прибыло два корабля из Ионии. Ученые, географы, художники, поэты – кого только нет. Весть о твоей победе, как раскат грома сотряс ойкумену. Скоро придут корабли из Афин. Говорят, даже сама Таис собралась в путешествие.

– Таис? Самая влиятельная гетера⁹? Вот так – сюрприз. За ней следом ринутся все светлые умы Эллады. Уж если Таис...

– Смотрите, вон она! – крикнули из толпы. Зеваки тут же забыли об Александре и, открыв рот, глазели на Томирис. – Настоящая! Надо же!

– Что это с ними? – удивился гегемон.

– Да тут слух пошел..., – ухмыльнулся Гефестион.

– Ну, говори! – потребовал Александр.

– Будто к тебе на службу пришла сама правительница амазонок Ипполита.

– Томирис, – окликнул девушку Александр. – Ты теперь – правительница амазонок.

– Но я не правительница, – возмущалась она.

– Если толпа назвала тебя правительницей Ипполитой – ее не переубедить. Не разочаровывай народ, – подтрунивал над ней Птолемей. – Теперь к тебе выстроится очередь из ваятелей и художников. От этих назойливых служителей муз просто так не отвертеться. Только не вздумай соглашаться, если попросят позировать обнаженной.

– Вот, еще! – фыркнула девушка.

Ущелье сжималось, оставляя узкий виляющий проход. Шумела река, пенясь и перекачиваясь через валуны. Над головой нависали слоистые скалы. Деревья чудом произрастали из расщелин, свешивали корявые ветви с жидкой листвой.

Вдруг навстречу попались всадники из пэонов. Двое сопровождали раненого, лежавшего на холках коня.

– Что случилось? – подозвал их Александр. – Где Аристон?

– Мы попали в засаду, – ответил один из разведчиков. – Аристона сбили с коня.

– А вы что?

– Мы пытались его освободить, но на пути встал здоровенный перс с кувалдой...

– Вперед! – не стал дослушивать Александра. – Не хватало мне еще командира пэонов потерять.

Разведчики топтались перед узким мостом, перекинутым через неглубокую пропасть. Внизу клочкотал бурный поток. На другом берегу нагло стоял всадник, загородив путь, и дразнил нерешительных воинов.

– Разреши, Александр, я вызову наглеца на поединок, – горячился юный Агенор.

– Одолеешь? – усомнился Александр.

– Я ему сейчас!..

Агенор спрыгнул с коня и смело вступил на мост, прикрываясь круглым легким щитом-пельтой, обнажив короткий изогнутый копий.

⁹ Гетера (подруга, спутница) – в Древней Греции жрица, ведущая свободный, независимый образ жизни, публичная женщина, куртизанка. Первоначально, главным образом из рабынь, позже также свободные женщины. Известные гетеры были, как правило, хорошо образованы.

– Слезай с коня! – призывно закричал юный Агенор, громко стуча мечом о щит.

Противник внял его призыву: соскочил на землю, перекинул плетеный щит со спины на левую руку, вынул акинак и двинулся навстречу.

– Фидар! – ахнула Томирис. – Александр, останови Агенора, иначе Фидар его зарубит.

– Клит! – позвал гегемон.

Тот уже спрыгивал с коня и двинулся вслед за юношей.

Противники сошлись на середине моста. Агенор сходу получил сокрушительный рубящий удар, не удержал меч. Копис полетел в пропасть. Толчок щитом, и юный воин растянулся на узком мосту, едва не последовав за своим оружием. Клит вовремя подоспел. Агенор на карачках отполз назад, едва дыша от страха. Воины отчаянно рубились на узком мосту. Но ни один, ни другой не отступали даже на полшага.

– Хорош, – удивился Гефестион. – Никто так долго Клиту не может противостоять.

Исмен двинул коня вперед.

– Ты куда? – окликнул его Птолемей.

– Разнимать их.

– Постой. Я сам, – решил вмешаться Александр и подъехал к самой кромке обрыва – Прекратите! – крикнул он.

Рубаки отступили на пару шагов в разные стороны, но продолжали держать оружие на изготовке. Александр обратился к Фидару:

– Это ты украл моего воина?

– Я, – невозмутимо ответил аорс.

– Что ты хочешь?

– Обмен.

– Коней, золото?

– Пленников.

– Каких?

– Вон тех двоих, – указал он на Исмена и Томирис.

– Где ты видишь пленников? Это – мои соматофилаки. Они при оружии и на конях.

Фидар слегка удивился.

– Да опусти ты меч, – потребовал Александр. – Подойди сюда. Слово гегемона: тебя никто не тронет.

Клит посторонился, пропуская Фидара.

Александр подъехал вплотную, внимательно посмотрел в лицо аорсу.

– Я где-то тебя встречал.

– При Херонее, – напомнил Фидар.

– Так ты тот перс, который не смог меня убить? Тогда Зевс впервые послал мне знамение, дав понять, что я – непобедим.

– Возможно, так и было, – согласился Фидар.

На том берегу показались еще трое всадников. Колобуд, связанный Аристон и Уархаг.

– Гляди-ка, нас целое войско ждало в засаде, – усмехнулся Птолемей.

– Я узнаю твоего друга, – показал Александр на Колобуда. – Это же он под Галикарнасом сломал нам осадную башню.

– Точно, – подтвердил Гефестион. – Вон, той кувалдой, что у него в руках, колесо расколол.

– Я уважаю отважных воинов. Жаль, что вы служите Дарию, – посетовал Александр.

– Уже – нет. Трусам мы не служим, – мрачно ответил Фидар.

– Так переходи на мою сторону. Твои друзья сделали выбор. Поверь – это не предательство. Дарий первым вас предал, удрав с поля боя.

– Колобуд, освободи пленника, – попросил Фидар.

Исмен подскакал к аорсу, прыгнул и крепко обнял его. С радостным визгом бросился к ним Репейник.

– Путь свободен. Вперед! – скомандовал Александр. – Иногда слово покоряет противника лучше, чем меч.

Отряд двинулся дальше, уже вместе с тремя новыми всадниками. Александр поманил Фидара. Тот пристроился рядом.

– Поведай мне, как тебе удалось устоять против Клита. Ему нет равных среди воинов.

– Чтобы освободить Исмена, я готов сразиться хоть со все твоей армией.

– Почему? Он твой брат?

– Он – больше, чем брат, названный сын моего отца. Он – моя совесть.

– Но вы могли столкнуться в бою лицом к лицу. Как тогда бы ты поступил?

– Скорее, подставил бы сердце под его копьё, нежели причинил Исмену хоть малейшую рану, – не задумываясь, ответил Фидар. – Такие у нас обычаи: родство превыше любых клятв.

– И за юную амазонку ты тоже готов пожертвовать собой?

– Мы все впятером смешали кровь в священной чаше бога Фагимасада. Мы – одна семья.

Томирис подскакала к Колобуду, уселась спереди на его коня. Она что-то радостно ему щебетала, трепала будина за светлую бороду. Великан смущенно хохотал, бережно обнимал девчущку одной рукой, стараясь не задушить в объятиях. А конь начинал храпеть под тяжестью двоих. Томирис юркнула обратно на свою лошадку и догнала Исмена.

– Аристон, не держи зла на Фидара, – приставал к командиру пеонов Исмен. – Он из-за меня напал. Я виноват. Злись на меня.

Аристон хмыкнул, гневно сверкнув глазами.

– Это мы виноваты, – вторила Томирис, подъезжая с другого боку. – Хочешь, мы попросим за тебя у Александра?

– Не вздумайте, – пригрозил Аристон. – Еще больше опозорить меня хотите?

– Нажили врага, – подвел итог Исмен, когда командир пеонов проехал вперед.

– Одним меньше, одним больше... – махнула рукой Томирис.

– Откуда у тебя новый плащ, да такой красивый? – заметил Исмен ее синее покрывало с персидским узором, вышитым золотыми нитями.

– Барсина подарила, – похвасталась Томирис. – Она очень добрая. И держится со мной совсем не высокомерно, даже фруктами угощала, учила меня играть на арфе.

* * *

Войско несколько дней отдыхало после тяжелой битвы. Героям раздавали щедрые награды. Веселье не смолкало ни днем, ни ночью. В Иском заливе появилось множество кораблей. Из Эллады приплыли известные художники, среди которых был и знаменитый Апеллес¹⁰. На другом корабле скульпторы во главе с известным Лисиппом¹¹, который, вопреки отговорам родственников изъявил желание пристать к армии Александра. Прибыл даже архитектор Динократ с учениками. Появилась целая плеяда спорящих и бранящихся философов. Среди

¹⁰ Апеллес, сын Пифия, был одним из наиболее именитых греческих живописцев древности, которые процветали в начале эллинистического периода. Древние источники сообщают, что он произошёл из Кос или Эфеса, но считается вероятным, что он родился в древнем городе Ионии Колофоне, к северу от Эфеса. Большая часть информации о жизни и работах художника взяты из 35-й книги естественной истории, написанной Плинием Старшим (23—79 н.э.), в соответствии с которой Апеллес был на пике славы в годы 112-й Олимпиады (332—329 до н.э.).

¹¹ Лисипп – греческий скульптор, завершает эпоху поздней классики (IV в. до н. э.) Начиная как литейщик, мастерству ваятеля учился, изучая пропорции полуклетовского «Дорифора». Среди современного ему искусства работы Лисиппа выделялись натурализмом (особенно при передаче волос и глаз), а также несколько удлинёнными пропорциями. Плиний приписывал ему до полутора тысяч работ, но это число явно преувеличено. Есть легенда, что Лисипп при создании каждой своей работы складывал в сундучок по одному драгоценному камню. После его смерти там обнаружили более полутора тысяч камней.

всей этой галдящей своры выделялись Анаксимен и Онексикрит, последователи Диогена¹², Анаксарх, представитель школы Демокрита¹³. Философы тут же, сойдя с корабля, затеяли жаркий диспут. Кричали так вдохновенно, что не обратили внимания, как к ним приблизился Александр. Лишь спустя некоторое время, наконец, гегемон был замечен, и философы, прервав спор, приветствовали «второго Ахилла».

– Продолжайте, не смею вам мешать, – скромно ответил Александр. – Позвольте только узнать, где мой друг Демосфен¹⁴? Он не с вами? Очень жаль. – И ушел.

Вечером Александр устроил пир в честь прибывших из Эллады деятелей искусства. Но особой честью удостоилась Таис, знаменитая гетера, знавшая наизусть «Илиаду», хорошо разбиравшаяся во многих науках. Она свободно цитировала Геродота и Платона. Могла на равных с умнейшими мужами поддержать философскую беседу или поспорить об истории и географии. К тому же Таис прекрасно пела и танцевала, завораживающе играла на кифаре. Но главное ее достоинство – гетера была очень красива: обладала тонкими благородными чертами лица и стройным гибким телом. А ей всего-навсего исполнилось чуть больше двадцати.

Гости разместились огромным кругом перед шатром правителя Персии. Почетным гражданам Афин и других крупных мегаполисов постелили ковры. Положили множество подушек, чтобы они могли удобно возлежать и наслаждаться зрелищами. Кто имел меньше заслуг, сидел за ними на простых циновках. Пылали факела. Сновали слуги, разнося угощения. Перед гостями извивались гибкие танцовщицы, захваченные в Дамаске, под мелодии музыкантов, плененных там же.

Александр возлежал на мраморном постаменте, на котором раньше стоял походный алтарь Ахуры Мазды с неугасающим огнем. Он позволил сдавшимся в плен полководцам Дария присутствовать в первых рядах, среди прославившихся воинов, знаменитых ученых и ваятелей. Место нашлось и для Фидара. Исмену приказал сесть справа рядом с Клитом. Тут же примостилась Томирис.

– О, Александр! Я ослеп? Или мне мерещится? – воскликнул чернобородый, широкоплечий воин, увидев новых соматофилаков. Он носил одежду гетайра. По его запыленному плащу и грязных подтеках на висках можно было понять, что он только с дороги. Исмен и Томирис признали в воине лживого атравана-лазутчика.

– Кратер. Ты уже прибыл от Геллеспонта? Завтра сделаешь доклад. Сегодня у нас веселье. Но что тебя так возмутило? – спросил Александр.

– Мое бедро до сих пор ноет, вспоминая стрелу, которую я получил от этой девчонки. А рука еще гноится от зубов лохматого чудовища, которого они на меня натравили.

– Так прости их. Они выполняли свой долг. Но теперь скифы служат мне. Посмотри, многие вчерашние полководцы Дария теперь здесь. Они дали клятву верности мне.

– Воистину, ты творишь чудеса, Александр! – все еще удивлялся Кратер, присаживаясь рядом с Исменом. Протянул ему руку: – Друг Александра – мой друг.

– Я рад, что тебя тогда не казнили, – пожал Исмен его крепкую широкую ладонь.

– Спасибо, – сухо ответил Кратер.

– Но ты сам виноват: плохой из тебя атраван. Оделся бы лучше кардаком. Тогда бы мы тебя не схватили.

– Эх, малыш, ты ничего не понял. Меня должны были схватить и учинить допрос. Таков был план.

– План? Ты сознательно подвергся опасности? – удивился Исмен.

¹² Диоген – древнегреческий философ, ученик Антисфена, основателя школы кишиков.

¹³ Демокрит – древнегреческий философ, предположительно ученик Левкиппа, один из основателей атомистики и материалистической философии.

¹⁴ Демосфен – один из знаменитейших ораторов древнего мира.

– Да. А что еще оставалось делать? В армии у Дария после Мемнона остался только один грамотный полководец – Харидем. Вот его-то Александр и задумал устранить. – Он толкнул Исмена локтем, наклонился к самому уху и тихо сказал: – Еще неизвестно, к кому повернулась бы Ника¹⁵, будь на поле боя Харидем во главе гоплитов.

– Ты хотел его подкупить?

– Нет. У Александра не было столько золота, сколько обычно требует Харидем за предательство. Поэтому я должен был проникнуть в лагерь персов. Меня должны были схватить... а дальше все произошло, как и планировалось: бросить тень на Харидема, да так, чтобы ни у кого не возникло сомнения, что он – предатель. Гениальный план! Александр придумал.

– Неужели Александр тебя послал на смерть?

– Я сам вызвался. Простому воину персы могли и не поверить, но коль сам Кратер, один из полководцев Александра ведет переговоры с предателем... Вот тут Дарий испугался, да так, что предпочел придушить Харидема.

– Но если бы тебя убили вслед за Харидемом?

– Убили, так убили, – безразлично ответил Кратер. – Главное, я довел до конца возложенное на меня дело. В нашей грандиозной победе есть и моя заслуга. Этим можно гордиться.

– А не слишком ли это подло? – заметила Томирис.

– Да, подло, – согласился Кратер. – Так, и персы подкупают афинских ораторов, чтобы они поднимали народ против Александра. И лакедемонян они снабжают золотом. Старик Антипатр сколько уже воюет с ними. И Дарий сам не скрывал, что подкупил Павсания, когда тот всадил кинжал в спину Филиппа. Разве это не подлость? Война без подлости – это не война.

Публика взорвалась приветствиями, когда появилась стайка красивых женщин в тонких розовых хитонах. Воздух наполнился легким ароматом цветов. Одна из них, самая стройная и изящная, легкими шажками приблизилась к Александру.

– Приветствую тебя, потомок Ахилла, последователь Геракла, любимец богов Олимпа, – произнесла она звонким мелодичным голосом и возложила на его голову золотой венок. В ее черных живых глазах вспыхивали веселые искорки.

– О, Таис! – воскликнул Александр. – Я не мог поверить, что сюда, в эту глушь прибудет умнейшая женщина Ойкумены.

– Как же я могу сидеть в пропесневелых Афинах, когда тут, в глуши творится история,

– Рад такому вниманию дочери Афродиты к моим делам. Но скажи честно: одобрила ли твое путешествие Фрина Афинская¹⁶? И как вообще поживает неувядаемый цветок Эллады. Почему сама не покинула Керамику¹⁷? Я бы ее встретил с почестями, достойными богине.

– Чего захотел, – засмеялась Таис. – Фрина пришла в ярость, узнав, куда я отправляюсь. Она ненавидит тебя за разрушенные Фивы. Представляешь, предложила все свое золото на восстановление города.

– Ее золото – ее право, – рассудил Александр. – Присаживайся рядом, – пригласил он Таис.

– Хорошо, но прежде я хочу увидеть то, что меня заинтриговало не меньше, чем разгром непобедимой мидийской армии.

– Что же могло тебя удивить больше?

¹⁵ Ника — в древнегреческой мифологии богиня победы, дочь титана Палланта и Стикса. По аркадскому преданию, дочь Палланта (сына Ликаона), воспитывалась вместе с Афиной

¹⁶ Фрина (ок. 390 г. до н. э. – ок. 330 г. до н. э.) – знаменитая афинская гетера, бывшая натурщицей Проксителя и Апеллеса.

¹⁷ Керамик, Керамейкос (др.-греч. Κεραμεικός) – один из районов Афин, знаменитое древнее кладбище в Древних Афинах. В античные времена вокруг кладбища селились гончары, что и обусловило название кладбища, а также афинские проститутки. Квартал Керамик был известен в древние времена как крупный центр производства аттической керамики.

– Я слышала, среди твоих воинов находится юная воительница из племени Ипполиты. Где она? – Таис поискала взглядом. Глаза ее вспыхнули. Она протянула руку Томирис. Та невольно поднялась. – Да разве она похожа на тех кривоногих мужеподобных женщин, что описывает Геродот? Посмотри, как она мила. Совсем еще девочка. А какое чистое лицо. Нет, это не кривоногая азиатка. Она больше напоминает смуглую тонконогую критянку. Но что за ужасная грубая одежда! – поморщилась гетера.

– Хватит разглядывать меня, как товар на торжище, – возмутилась Томирис, придя в себя.

– Ты сможешь сотворить из девчонки чудо? – спросил Александр.

– Я украду ее на несколько мгновений. Пойдем со мной, – поманила гетера. Томирис нехотя поплелась следом.

Александр поднял чашу, гости примолкли.

– Я пью за вас, друзья, за новый эллинский мир, над которым больше не будет нависать страх персидского махайра.

– За мир! – подхватили все.

– За вечный праздник! Как там у Анакреона¹⁸, – попытался припомнить Александр: —
Что же сухо в чаше дно?

Наливай мне, мальчик резвый,

Только пьяное вино

Раствори водою трезвой.

Мы не скифы, не люблю,

Други, пьянствовать бесчинно:

Нет, за чашей я пою

Иль беседую невинно.¹⁹

– процитировал он под овации. Обратился к Фидару: – Скажи, это правда, что скифы пьют только неразбавленное вино?

– Правда, – ответил Фидар.

– И ты?

– И я.

– Почему? От крепкого вина теряешь разум.

– Если разбавить водой молоко, разве оно будет вкусное? – спросил Фидар.

– Гадость, – согласился Александр.

– А сок с водой?

– Теряет вкус.

– А если кровь человека разбавить водой?

– Он умрет, – вставил лекарь Филипп.

– Что не разбавляй водой – все плохо, – сделал вывод Фидар.

– Отлично сказано! – не сдержал возглас восхищения Гестеион. – Виночерпий, мне налейте неразбавленного.

– Тогда – и мне! – потребовал Неарх.

– И мне! – закричали гетайры.

– Ты так всех моих друзей споишь, – покачал недовольно головой Александр. – Они же не скифы.

– Скифы знают меру, – возразил на это Фидар. – Не важно, что пьешь, важно – сколько пьешь.

¹⁸ Анакреонт (Анакреон, др.-греч. Ἀνακρέων, 570/559 – 485/478 до н. э.) – древнегреческий лирический поэт. Был включен в канонический список Девяти лириков учеными эллинистической Александрии.

¹⁹ Перевод А.С. Пушкина.

– Опомнись, Александр, – воскликнул Гефестион, – мы же – македоняне. Вспомни, на пирах Филиппа вино пили только неразбавленное...

– Замолчи! – оборвал его Александр, гневно сверкнув разноцветными глазами. – Не напоминай о грязных пьянках в Пелле. Умей различать культурные симпозиумы и обыкновенное свинство.

– Прости, – смутился Гефестион.

Тем временем появилась Таис. Она вела за руку тонкую красивую девочку в нежно-голубом коротком хитоне. Серебряный чешуйчатый поясок перехватывал талию, подчеркивая стройность юного тела. Высоко уложенные черные волосы открывали чистый лоб и маленькие розовые ушки с золотыми кольцами. Край одежды доходил до колен, оставляя открытыми стройные сильные икры, оплетенные ремешками сандалий. Подведенные глаза делали взгляд выразительным и строгим. Ожерелье, преподнесенное в дар Дарием, украшало ее тонкую шею и спускалось на грудь. Все зааплодировали. Исмен не сразу узнал в красивой девочке Томирис.

– Твоя подруга воистину – дочь Артемиды, – восхищенно произнес Александр.

Томирис села рядом с Исменом, положила руку с изящными тонкими браслетами ему на плечо.

– Не смотри на меня так, – сказала она и густо покраснела, смущенная вниманием столько мужчин. – Подай соку, – попросила.

– Таис, станцуй нам! – начали требовать гости. – Таис, станцуй.

– Гегемон позволит? – спросила красавица.

– Могу ли я запретить? – развел он руками. – Тебя просит богема. Я – всего лишь простой воин, по сравнению с ними.

– Этот танец мы приготовили для тебя, Непобедимый.

Таис медленно, грациозно поднялась. Тонкие руки взвились над головой стройными лозами. Ладонки отбили такт. Музыканты тут же подхватили. Гетеры покинули своих собеседников и встали в круг. В руках каждая держала чашу, наполненную вином до самых краев. Плавные завораживающие движения: словно трава гнулась под ветром, словно лебеди поднимались в воздух, словно волны накатывались на берег. И ни одна капелька из чаши не упала на землю.

Танец окончился. Зрители аплодировали. Философы тут же подняли бурный спор о силе искусства. Раскрасневшаяся Таис вновь присела на ложе Александра.

– Тебе понравилось, гегемон.

– Нет танца чудесней, чем танец ялкаде, – недовольно произнес Александр, нахмутив брови. – Говоришь: этот танец приготовила для меня? Но его танцуют лакедомоняне. А ты знаешь прекрасно, как я к ним отношусь.

– Прости, – воскликнула гетера, сделав вид, что не на шутку испугалась. – Я не знала...

– Знала. Прекрасно знала, – упрекнул ее Александр. – Не пытайся со мной играть. Не забывай, что перед тобой сын Громовержца, а не финикийский торговец.

Щеки Таис вспыхнули, в глазах сверкнул гнев. Но умная гетера тут же подавила в себе чувства и ласково промурлыкала:

– О, Непобедимый, прости мою глупость. Но все афинские танцы ты уже видел. И критскими танцами тебе не удивишь. Что же мне оставалось? Прикажи, и я разучу любой, дабы в следующий раз усладить твой взор.

– В последнее время мне нравятся танцы варваров. Ты знаешь хоть один?

– Нет, мой повелитель. – Хитрая улыбка скользнула по пунцовым губам гетеры. – Но я знаю, кто может исполнить танец, который ты никогда не видел, – загадочно произнесла Таис.

– Что же это за танец? – немного отошел от гнева Александр.

– Посвященный Артемиде. Его исполняют амазонки.

Таис намеренно громко произнесла последние слова. Философы тут же прекратили спор и обратили взгляды к Томирис.

– Покажи нам танец, посвященный Артемде, – попросил Александр.

– Но, гегемон, – нахмурившись, возразила Томирис. – Его танцуют перед алтарем богини, а не перед веселящейся толпой. Я не хочу разгневать Аргинпасу.

– Послушай, – серьезно сказал Александр. – Артемида и ваша Аргинпаса – одна и та же богиня.

– Я знаю.

– Так вот, у Артемиды был чудесный храм в городе Эфесе. Ты о нем слышала?

– Слышала. Но храм сгорел.

– А знаешь истинную причину пожара?

– Его сжег сумасшедший, надеясь прославить собственное имя.

– Все правильно. Но ты не задумывалась, почему могущественная богиня не смогла спасти свой дом?

– Нет, – честно призналась Томирис.

– Артемида или, как ты ее называешь, Аргинпаса, в это время в образе простой повитухи помогала женщине при родах. Если бы не ее помощь, то роженица бы умерла, а ребенок так и не родился. Ужасные, тяжелые роды. Женщина уже молила о смерти, как вдруг появилась таинственная повитуха и помогла. Она положила на грудь измученной женщины младенца, и та с удивлением увидела ее прекраснейшее лицо под старым серым покрывалом, нежные божественные руки молочной белизны, вдохнула чудный, ни с чем несравнимый аромат. Вдруг в дом ворвался грозный воин, расшвыривая всех на пути, и крикнул повитухе: «Спешите скорее в Эфес. Там безумный Герострат сжег твой храм!» «Не могу, – ответила таинственная и прекрасная повитуха. – Разве не видишь, Арес²⁰, – я помогаю сыну Зевса».

– Родился ты? – глаза Томирис заблестели. – Ты говоришь правду? Тебя касались руки Аргинпасы?

– Разве я смею врать? Так что, все твои грехи перед Артемидой я беру на себя. Танцуй!

– Хорошо! – Томирис резко встала. – Я не смею отказывать тому, кого избрала Аргинпаса.

– Ты будешь плясать с щитом? – поинтересовался ученый Каллисфен. – Я где-то читал, что амазонки танцуют перед алтарем Артемиды с щитами.

– Нет. Пусть мне дадут два меча.

– Не позволяй ей, Александр, – воскликнул Неарх. – Она уже искалечила немало народу, – показал он свою подвязанную руку.

– Пусть принесут! – разрешил гегемон.

Томирис вынула заколки и распустила волосы. Локонь черными змейками заструились по плечам, укрыли спину и грудь до самых колен.

– Как она прекрасна! – запричитали ваятели.

– Подайте скорее дощечки и уголь! – потребовали художники.

Томирис принесли два ксифоса.

– Нет, – отвергла их девушка. – Дайте мне кривые махайры.

²⁰ Арес или Арей – в древнегреческой мифологии – бог войны. Его атрибуты: когти, горящий факел, собаки, коршун. Первоначально считалось, что Гера родила Ареса хтонически, без участия Зевса, от прикосновения к волшебному цветку. Имеются свидетельства о его негреческом, фракийском, происхождении. Софокл называет его рожденным во Фракии. В олимпийской мифологии Арес уже считается сыном Зевса и Геры. Сам Зевс настолько ненавидел Ареса, что говорил, что не будь тот его сыном, он отправил бы его в Тартар. Некогда в течение 13 месяцев (лунного года) заточен в медной амфоре, либо в глиняном чане. Его пленили Алоады. Арес был возлюбленным богини Афродиты или её мужем. О их любви и нарушении Афродитой супружеской верности очень часто упоминается в античной мифологии. В битве за Пилос был ранен Гераклом. Также Геракл ранил его, когда убил Кикна. Арес участвовал в Троянской войне на стороне троянцев и был побежден Афиной.

Ей дали короткие мечи с изогнутыми широкими клинками. Томирис воздела руки с клинками вверх и, как Таис, отбила такт. Музыканты заиграли, а девушка закружилась, раскинув руки с оружием в стороны. Она выскочила в центр и принялась вертеть клинками, так, что едва удавалось проследить за рисунком танца. Она почти припадала к земле, высоко выпрыгивала. Хитон и волосы развивались, как крылья у птицы. Клинки со свистом рассекали воздух. Все замерли, открыв рты. Мальчишка-прислужник проходил с амфорой, наполненной маслом. Томирис метнулась к нему и ударила в сосуд. Кувшин разлетелся. Мальчишка вскрикнул и бросился бежать. Томирис окунула клинки в лужу разлившегося масла, поднесла к факелу. Мечи запылали. Она понеслась по кругу, кружась в бешеном ритме.

– Уймите ее! – закричали ошалевшие гости, вскакивая и бросаясь прочь.

Пылающие клинки пронеслись рядом с их лицами, горящие капли разлетались во все стороны. Чуть не дошло дело до паники. Но Томирис пронеслась огненным смерчем по кругу, упала на одно колено перед Александром, вонзив шипящие клинки глубоко в землю. Таис взвизгнула. Гефестион уронил недопитую чашу.

Танец окончился в полной тишине. Томирис села на свое место и быстрыми ловкими движениями заплела косу.

– Парменион, – тихо позвал Александр старого полководца. – Она тебе напомнила кого-нибудь?

– Да. Она похожа. Очень похожа. Конечно не лицом, но та же страсть, тот же безумный блеск в глазах. Только тогда Олимпиада танцевала с факелами. Твой отец потерял разум и воспылал к ней неземной страстью.

– О ком он говорит? – осторожно спросила Таис, – О твоей матери?

– Да. Парменион вместе с моим отцом Филиппом ездил на переговоры в Эпир, где отец впервые увидел двенадцатилетнюю Олимпиаду.

– Неужели, ты тоже сражен это дикаркой, – хитро улыбнулась Таис.

– Но я же не Филипп, – гордо возразил гегемон. – Я – Александр и ненавижу историю Эдипа²¹.

Юный Агенор, тот, кому Томирис расцарапала лицо, порывался встать, но товарищи его одергивали.

– В чем твоя печаль, Агенор? – заметил возню Александр.

– Ответь мне, гегемон: почему амазонка сидит рядом с тобой? – обиженно спросил юнец заплетающим языком. – С тобой рядом Таис, прекраснейшая из женщин, да еще и Ипполита.

– Так, чего ты хочешь?

– Я хочу, чтобы амазонка села рядом со мной.

– Ох, не надо было бы ему давать неразбавленного вина, – покачал головой Парменион.

– Пусть она сядет со мной! – требовал пьяный юноша.

Исмен напрягся. Фидар приподнялся и недовольно поглядел на крикуна.

– Я его сейчас убью, – зло прошептал Исмен.

– А достоин ли ты ее присутствия? – спросил Александр.

– Я взял ее в плен. Она – моя добыча! – не унимался юноша, несмотря на то, что товарищи вокруг уже грубо просили его сесть и заткнуться.

– А мне рассказали другое, – усмехнулся Александр. – Это она тебя с коня сбросила. Да на твоём лице все написано.

– Я хочу ее взять в жены, – кричал он уже под хохот друзей. – Я ей отдам все: дом, мое состояние – все!

– Сердце забыл, – напомнил Александр.

– Вот же, молокосос, не ведаешь, что несешь, – сплюнул Гефестион. – Услышал бы его отец.

²¹ Эдип – в древнегреческой мифологии — царь Фив, сын Лая и Иокасты. Женится на собственной матери

Исмен попытался встать и кинуться на пьяного Агенора. Томирис тут же схватила его и усадила обратно.

– Я сама разберусь. – Она встала. – Хочешь меня?

– Да!

Все тут же смолкли.

Томирис смело подошла к Агенору, гордая и красивая.

– Удержишь мою руку – я твоя до самой смерти.

– Удержу! – он, шатаясь, быстро подошел к ней и схватил своей лапищей ее тонкую ладонь. – Попробуй, вырвись.

– Не буду, – спокойно пообещала Томирис. – Но это еще не все.

– Что же тогда?

– Фидар, – обернулась к аорсу девушка. – Ты знаешь наши обычаи. Помогите.

– О, нет! – закатил глаза Фидар. – Так и знал, что она этого потребует.

– Что за обряд? – с нескрываемым интересом спросил Александр. – Ты его проходил?

– Да. Было дело. Так албаны испытывают мужчин, – нехотя поднялся аорс.

– Мы хотим увидеть! – тут же загалдели философы.

– Нужен большой кратер с водой, – приказал Фидар.

Слуги принесли медную чашу с двумя ручками. Они удерживали ее на весу, а Томирис опустила сцепленные руки, свою и Агенора, в воду.

– И все? – хохотнул юноша.

– Нет еще, – на лице Томирис появилась змеиная улыбка.

Фидар вынул из стойки на столбе два пылающих факела и сунул их под днище кратера.

Агенор начал трезветь. Все забыли про угощение, вино и с интересом ждали развязки. Вскоре над кратером взвился пар. Агенор побагровел. Губы его затряслись. Томирис же стояла спокойно. Наконец, юноша не выдержал и с криком выдернул руку из кипятка.

– Не удержал! – холодно усмехнулась Томирис и спокойно покинула праздник под восхищенные овации собравшихся.

Исмен вскочил, подлетел к юноше и крепко врезал кулаком ему в челюсть. Тот грохнулся, перевернув блюда с фруктами, расплескав вино. Исмен побежал вслед за Томирис.

– Ах, ты! – Агенор схватил меч и хотел броситься вслед за ним. Железная клешня Фидара остановила его. Аорс вырвал клинок и отбросил юнца назад.

– Вот это девушка! – покачал головой Птолемей.

– Я начинаю верить, что она дочь Артемиды, – подхватил Неарх. – Я даже горжусь, что ранен ее стрелой.

– Надо же, – поддержал их Гефестион. – А Аристотель нам говорил об амазонках: они – всего лишь выдумки Геродота. Вот она – живая.

– Послушайте меня! – громко сказал Александр, обведя грозным взглядом воинов. – Если кто еще посмеет задеть эту маленькую пантеру, – будет иметь дело со мной.

– Александр, что ты говоришь? – зашипел на него Парменион. – Кому ты это говоришь? Твои воины прошли за тобой полмира! Неужели девчонка тебе дороже гетайров?

– Нет, Парменион. Я просто не хочу, чтобы моих отважных друзей позорила эта маленькая кошечка. А ты, Агенор, за свой длинный язык, будешь неделю мыть лошадей вместе с конюхами.

– Прости, гегемон, – взмолился юноша. – Не наказывай меня так жестоко.

– Надо было следить за своими словами или терпеть кипяток. Бери пример с амазонки: она следит за языком, и стойко перенесла испытание. А ты – опозорился. И опозорил не только себя, но и своих товарищей. Сорвите с него пояс, – приказал он телохранителям. – Пусть носит недоуздки, пока не осознает до конца своего поступка.

Исмен нашел девушку возле шатра Уархага. Лекарь смазал ошпаренную руку маслом и перевязал чистой тряпочкой.

- Больно? – спросил Исмен.
- Немного.
- Я его убью!
- Поклянись мне, – потребовала Томирис.
- В чем?
- Что не тронешь его.
- Но...
- Клянись! – настаивала она.
- Клянусь, – буркнул Исмен. – Почему ты его защищаешь?
- Не будь таким же глупым, как тот пьяный мальчишка.
- Извини, – тут же остыл Исмен.
- Подожди меня. Я сейчас переоденусь.

Она юркнула в шатер. Вскоре появилась вновь. Стерла с лица краску, сбросила тонкую одежду, пахнущую лавандовым маслом. Предстала вновь в своей кожаной куртке, с боевым поясом и в анаксиридах.

- Сможешь сопроводить меня?
- Куда? Уже глухая ночь.

– Посмотри, какая луна, – показала она на холодный яркий шар, зависший в черном звездном небе. – Мне надо очиститься перед Аргинпасой. Полнолуние – самое подходящее время.

Они поднимались высоко в горы, пока лошади не начали храпеть от натуги.

– Здесь, – решила Томирис, указав на скальный уступ, посеребрённый лунным светом. – Жди меня, – попросила она, спрыгнула на землю и поднялась на уступ.

Вскоре запылало яркое пламя костра. Исмен старался не смотреть, но голова сама так и поворачивалась. Ничего не было прекрасней и загадочней. Лунный холодный свет, всполохи огня и юное обнаженное тело Томирис, ее распущенные волосы... Она танцевала, изящно изгибаясь и взмахивая руками, словно птица, плавно кружилась, тянулась к луне, становясь на цыпочки.

Вскоре Томирис спустилась, судорожно поправляя куртку. Тело ее дрожало от холода. Лицо спокойное, сосредоточенное.

- Тебя простила Аргинпаса? – спросил Исмен.
- Не знаю, – пожалала плечами девушка. – Я ничего не почувствовала.

Они сели на коней и поехали обратно. Но перед самым лагерем Томирис свернула в сторону.

- Куда мы? – окликнул ее Исмен.
- Езжай за мной. Я познакомлю тебя с чудесной женщиной.
- Зачем?

Томирис ничего не ответила.

Они остановились возле большого шатра, вход в который охранял недремлющий страж. Он поклонился Томирис, пропуская ее.

- Госпожа Барсина, разреши войти, – спросила она.
- Входи, – ответил тихий мягкий голос. – Только не шуми. Дети спят.
- Я не одна. Со мной брат, – предупредила Томирис. – Позволишь ему узреть тебя?
- Пусть и он войдет.

Исмен окунулся в уютный полумрак. Чуть теплился огонек масляной лампадки. Приятно пахло ароматным маслом и свежим хлебом. На ковре сидела женщина. Голову ее укрывала

тяжелая головная накидка. Исмен едва мог разглядеть красивое лицо со строгими тонкими чертами.

– Здоровья и силы тебе, юный воин, – первой поприветствовала она его.

– Пусть охраняет тебя Ахура Мазда, – ответил Исмен.

– Садись, воин, и ты садись, красавица. Я вас сейчас накормлю.

– Мы только что с пира, – оправдывалась Томирис.

– Да что вы там ели, – всплеснула она руками. – Что могут приготовить армейские повара? Полусырое мясо, да подгнившие фрукты. Я вас угощу творогом с медом и лепешками, замешанными на молоке.

– Твои слуги вернулись? – поинтересовалась Томирис.

– Только служанка, что присматривает за детьми. Остальные, наверное, удрали вместе с армией. Да еще евнух старый. Его вы у входа встретили.

– А где служанка? – Томирис поглядела по сторонам.

– Спит вместе с детьми, – кивнула Барсина на дальний угол шатра, где в гряде подушек угадывались человеческие тела и слышалось ровное посапывание. – Она, бедняжка, так перепугалась, увидев македонян, что еле успокоилась. Чуть дар речи не потеряла.

Пока Исмен и Томирис с удовольствием уплетали сладкий творог, женщина смотрела на них ласково, по-матерински, качала головой и вздыхала:

– Что же это с миром творится? Дети воюют наравне со взрослыми. Как Ахура Мазда допускает такое?

Когда серебряные тарелки опустели, женщина налила им из тонкого керамического кувшина по кружке молока.

– Расскажите о Галикарнасе, – попросила она. – Как вы сражались под предводительством моего супруга Мемнона.

Томирис принялась живо описывать дни героической осады. Исмен не встревал, лишь иногда кивком подтверждал слова Томирис. Его постепенно разморило, и он стал клевать носом.

– погоди, – остановила Томирис Барсина. – Твой брат совсем утомился.

Исмен почувствовал, как нежные горячие руки укладывают его на мягкую подушку, ослабляют пояс. Ему в полусне показалось, что это мама. Он чуть не позвал ее. Вовремя опомнился. Попросил, еле шевеля губами:

– Мне надо в полночь заступать на стражу.

– Я разбужу тебя. Поспи, – донеслось до него откуда-то издалека. – Ох, мальчик, мальчик, зачем ты так рано надел боевой пояс.

– Госпожа, а почему Александр разозлился на Клита? – спросила Томирис. – Он так побледнел, увидев тебя. Чего испугался? Или это – страшная тайна?

– Не меня он испугался, – грустно усмехнулась Барсина. – Себя испугался.

– Расскажи. Все останется во мне.

– Ох, какая ты любопытная, – пожурела ее Барсина. – Но тайны никакой нет. Все и без того знают нашу историю. Началась она давно. Мой отец Артабаз происходил из рода Ахеминидов по матери. Кшатра Ох отдал ему в правление благодатную Фригию. Во время восстания сатрапов мой отец был одним из организаторов путча. Но Афины, которые подбивали сатрапов на восстание, снабжали их наемниками, предали в самый ответственный момент. Мой отец вынужден был бежать в Пеллу, под покровительство Филиппа. Мне еще не исполнилось одиннадцати лет, когда я попала в Македонию. Моя мама к тому времени умерла, а отец взял в жены сестру двух братьев-родосцев: Ментора и Мемнона. Я воспитывалась при дворе Филиппа. Получила хорошее образование. Тогда Пеллу частенько посещали известные люди. Филипп пытался возвысить Македонию не только с помощью громких военных побед, но и с

помощью меценатства. Он приглашал знаменитых ученых, ваятелей, архитекторов. Добился, чтобы Аристотель обучал отпрысков знати.

– И ты там познакомилась с Александром? – не терпелось Томирис.

– Он был задиристым, вихрастым мальчишкой. Но я не воспринимала его всерьез. Александр на семь лет младше меня.

– Ты была очень красивой. Правда?

– Ох, девочка моя, убереги тебя Аргинпаса от зависти и красоты, – так говорят в Персии. Красота для женщин иногда становится проклятием. Многие знатные юноши теряли голову, увидев меня. Чуть до кровавых схваток не доходило. А местные красавицы относились с ненавистью ко мне. Даже Олимпиада косо смотрела в мою сторону. Да тут еще однажды ночью ко мне в покои пробрался юный Александр и пылко признался в любви. Ему тогда едва исполнилось тринадцать.

– А ты? Ой, прости, что спрашиваю о таком, – спохватилась Томирис.

– А что я могла ему ответить? Я, взрослая девушка и тринадцатилетний мальчишка. К тому же, меня отец уже обещал Ментору. Конечно же, я отвергла пылкого юнца, возможно, сделала это немного грубо. Тогда он убежал в горы. Его искали три дня. Переполошили все окрестные села. Нашли его в лачуге пастуха высоко в горах. Он не сказал о причине своего бегства. Только я знала, и Олимпиада догадывалась: уж очень она проницательная женщина.

– А что потом?

– Ментор отправился в Персию, на свой страх и риск, упал к ногам каштры Оха и покался. Правитель принял его, а в наказание поручил невыполнимую задачу: подчинить взбунтовавшийся Айгюптос. Ментр смог погасить пожар восстания и вернул южные земли Персидской империи, тем самым выпросив прощение себе, брату Мемнону и моему отцу. Нам позволили вернуться на родину. За это отец отдал меня в жены полководцу Ментору. Я родила ему сына, после дочери. Но он умер через два года после нашего союза, едва увидев малышку. Мемнон очень любил старшего брата, и после его смерти взял меня в жены, а его детей назвал своими. Но и с ним мне недолго суждено было прожить. Однажды финикийский купец принес тайное послание: кусок пергамента, на котором было выведено размашисто всего несколько слов: «Жди! Я иду за тобой!» Я сразу догадалась, от кого послание. Македоняне вторглись в наши земли, началась война. Мемнон просил у Дараявуша пост главнокомандующего. Но правителя отговаривали его советники. Они говорили, что нельзя доверять эллинам. Но после разгрома сатрапов под Гранникой, Дараявуш все же назначил Мемнона командующим, однако, с условием, что я, его жена и дети должны отправиться в Вавилон, в залог его преданности. После гибели Мемнона, Дараявуш позволил мне остаться в его гареме. Возможно, хотел отдать в жены какому-нибудь высокому вельможе, а может, сам надеялся обладать мной... И вот, я здесь, ожидаю своей дальнейшей участи.

– Барсина, – тихо произнес у входа детский голос. – Ты не спишь?

– Заходи, – разрешила Барсина.

Легкими шажками прокралась в темноте невысокая хрупкая девочка.

– Ой! – воскликнула она. – Ты не одна?

– Присаживайся, не бойся, – успокоила ее Барсина. – Это моя подруга из племени амазонок. Она твоего возраста. Зовут ее Томирис.

– Хранит тебя Ахура Мазда, – поздоровалась девочка, опускаясь на ковер. – А я дочь правителя, Сатира. Но мама запретила называться дочерью каштры. Теперь мы – пленницы. – Вдруг она всхлинула: – Барсина. Мне страшно. Что с нами будет?

– Не плачь. Успокойся, – мягко утешала ее женщина, глядя по голове. – Доверься судьбе. Что предначертано Ахурой Маздой, то нас и ждет. Пока Александр благосклонен к нам. Видишь, какую стражу приставил, – кивнула она в сторону Томирис.

– Я не дам тебя в обиду, – пообещала Томирис. – Меня саму хотели убить. Но видишь, я жива и нахожусь в свите Александра.

– А это кто? – Девочка наклонилась над Исменом. – Какой красивый юноша.

– Он – мой брат.

– У него необычное лицо. Он не из Персии, и на элина не похож.

– Сатира, не хорошо так пристально разглядывать спящих, – мягко укорила ее Барсина. –

Пусть воин отдыхает. Ему скоро в дозор.

– Ой, извини.

Нежная, теплая ладонь коснулась лба.

– Воин, вставай. Уже полночь.

Исмен еле разлепил глаза. Ужасно не хотелось вставать! Он давно уже не спал так сладко.

– Поднимайся, мальчик, – уговаривала его нежно Барсина. – Я приготовила тебе лепешки с сыром: вдруг есть захочешь. Во флягу налила воду с соком.

– Спасибо, – смущенно пробурчал Исмен.

Барсина наполнила небольшой медный тазик водой и сама умыла Исмену лицо, вытерла мягким полотенцем. Потом подала кружку молока.

– Я очень благодарен тебе за гостеприимство.

– Не стоит.

– А где Томирис? – спохватился Исмен.

– Вон она, спит. Подругу себе новую нашла, Сатиру. Шептались, шептались, так вобнимку и уснули.

– Еще раз, благодарю тебя за заботу.

Исмен направился к выходу.

– Осторожней, – предупредила его Барсина. – Там пес какой-то лохматый приبلудился. Улегся перед входом, на всех рычит, даже евнух мой боится к нему приблизиться.

– Это – Репейник. Лучшего стража не найти.

У самого выхода Исмен оглянулся. Язычок пламени еле тлел над светильником. Женщина сидела на ковре и печально смотрела ему в след. Рядом спали две девочки, обнявшись. Почудилось... Да, точно так... когда он был маленький, мама поднимала его перед рассветом, чтобы он шел помогать отцу. Исмен не помнил точно, но ему казалось, что именно так сидела мама, а рядом, точно так же спали сестры. Сердце больно сжалось. Глаза заволочла слеза.

Исмен вышел в ночь. Огромная луна висела в безоблачном небе. Темный бугорок поднялся и завилял хвостом.

– Охраняй! – приказал Исмен, и Репейник вновь улегся у порога.

Он запрыгнул на Цырда и поехал к военному лагерю.

Из шатра правителя Персии раздавался густой храп. Гости перепились и спали вповалку. Но Александра и его телохранителей в шатре не было.

– Где гегемон? – спросил он у гоплита, стоявшего на страже.

Тот указал на небольшой шатер, внутри которого трепетал огонек светильника. Из шатра выскочила женщина и быстро прошла мимо Исмена, злобно шепча:

– Ну, постой же, старый лис Парменион. Я тебе припомню...

Исмен узнал знаменитую гетеру из Афин. Он наткнулся на соматофилака, дремавшего стоя в карауле. Отпустил его спать, сам встал на страже.

В шатре спорили Парменион и Александр.

– Почему ты вечно лезешь в мои личные дела? – возмущался гегемон.

– Потому что у тебя их нет. Ты не пастух и не пахарь, чтобы иметь жизнь отдельную от дел государственных. Ты – правитель Македонии и автократ Коринфского союза. Забавы с гетерами, пусть даже со знаменитыми, – для простых смертных. Но ты – сын бога!

– Чего ты от меня хочешь?

– Не я, – вся Македония. Стране нужен наследник. Ты уничтожил почти всех из рода Аргеадов. Мы на войне. Смерть кругом. Вспомни, недавно ты чуть не умер, и даже не от оружия врага, а от простуды. А если с тобой... О Громовержец, я даже подумать такое не смею!

– И кого ты прочишь мне в жены? Неужели вызовешь из Македонии дочерей знатных домов?

– Барсина.

– Нет! – в ужасе воскликнул Александр.

– Да! Ты же ее до сих пор любишь. Из-за нее перед походом ты отверг все предложения. Как только Олимпиада не уговаривала тебя жениться.

– Что скажут мои друзья?

– Скажут, что нет во всей Персии женщины красивее и образованней. Она воспитывалась при дворе Филиппа. Она почти наша.

– Но у нее было двое мужей...

– Что с того? Нам нужна не правительница, нам нужен наследник. Пусть родит от тебя мальчика, потом можешь собрать себе хоть целый гарем из красавиц и развлекаться с ними.

– Я подумаю, – сдался Александр.

– Но не долго. Дарий еще не побежден.

Они замолчали.

– Эй, стражник, – крикнул Парменион. – Поддай нам вина.

Исмен вошел в шатер с кувшином.

– Порази меня Зевс! – удивленно воскликнул Парменион. – Все не мог припомнить, где я мог видеть этого мальчишку. Не тебя ли я встречал под Галикарнасом? Точно! Это же скиф Мемнона.

– Теперь он мой соматофилак.

– Вот, как! – покачал головой Парменион. – Он настоящий герой. Мемнон ценил его.

– А мне он принес послание от Филиппа.

– Ах, вот он каков, посланник из царства теней. Слышал я эту историю от прорицателя Аристандра. – Старик сделал пару глотков, поставил кубок на стол. Поднялся. – Не буду мешать гегемону отдыхать. Позволь уйти.

– Иди, – разрешил Александр.

Как только Парменион вышел, Александр в гневе швырнул свой кубок вслед и зло прошипел:

– Как же он надоел!

Кубок отлетел от полога и стукнул по голове спящего Гефестиона. Тот вскочил.

– Тревога? Моего коня...

– Спи, – одернул его Александр. Гефестион вновь повалился на пол и тут же захрапел.

– Помоги мне, – попросил гегемон.

Исмен размотал ремешки и снял с рук Александра боевые кожаные браслеты, усиленные медными пластинами.

– Барсина! Барсина... – бубнил он с нарастающей злобой. – Проклятая Барсина.

– Не говори так о ней, гегемон, – не сдержался Исмен. – Она очень добрая, и никому не делала зла.

– Что? – он с удивлением заглянул в лицо мальчика. – Откуда ты ее знаешь?

– Я только что был у нее в шатре, – признался Исмен. – Томирис приставлена к ней в охрану.

– И тебя она очаровала? Чем же?

– Мне показалось, буквально на миг, что я в родном становище, в шатре отца, а она, – голос его дрогнул, – напомнила мне маму.

Александр оторопел. Долго молчал.

– Твоя мать умерла? – несмело спросил он.

– Да. Она ждет меня там, в благодатных степях Папая вместе с сестрами и младшим братом. И отец там же...

– Ты ее очень любил?

– Как можно не любить мать? – удивился такому глупому вопросу Исмен.

– Ты прав, – согласился гегемон. – Мать – самое дорогое, что есть у нас на земле. Но ты бы мог любить мать, которая вечно плетет интриги при дворе, натравливает одних родственников на других, постоянно говорит тебе: что надо делать, что не надо, этого приблизить, а этого – казнить. Почему казнить? Мне так нашептала змея. Что за дурацкие подозрения! По ее требованию я убил всех, кто мог претендовать на трон Македонии. Всех! Аминту, Карана, двух братьев из рода Линкестидов... Она требовала убить их, дабы мне не мешали единолично править Македонией. Любил бы ты такую мать? После убийства Филиппа она послала его молодой жене в подарок, как ты думаешь, что? Кувшин с отравленным вином, кинжал и прочный кожаный пояс. Юная Клеопатра спросила у посланника: зачем? Он ответил: Великая правительница позволяет тебе самой выбрать смерть. Можешь выпить яду или зарезать себя. Если не в силах, могу помочь тебе удавиться. А потом лично явилась к ней. Увидев девушку живой, гневно закричала: – Ты еще не сдохла? Бедная Клеопатра чуть не теряла рассудок от страха. – Пощади, – взмолилась она. – У меня на руках ребенок Филиппа. – Тогда Олимпиада приказала придушить ребенка. Охранники свернули шею младенцу прямо на руках у матери, а потом и саму Клеопатру всунули в петлю. И как, по-твоему: даже после этого я должен любить мать?

– Да! – не раздумывая, ответил Исмен. – Она дала тебе жизнь. И она тебя сделала таким, каким ты сейчас есть.

– Я ее люблю, – тихо согласился Александр, положив тяжелую ладонь на плечо Исмена. – Только мне приходится слишком дорого платить за те девять месяцев, что я провел в ее чреве. Налей мне еще зелье Диониса.

Исмен подобрал кубок, налил из кувшина красное терпкое вино, подал гегемону.

– А отца своего ты любил? – спросил Александр, пригубив.

– Да. Он был глава рода и погиб в бою, защищая становище.

– Красивая смерть! А моего прирезал собственный охранник, на свадьбе сестры. Глупая смерть для великого человека.

– Но он же тебя обучал владеть оружием, впервые посадил на коня, брал на охоту...

– Нет. Ничему он меня не учил. Филипп был правителем. У него вечно находились важные дела. Важнее, чем я. Он вечно пропадал в походах и на охоте, а когда появлялся в Пелле, устраивал многодневные пьянки с гетайрами. Меня воспитывали наставники: Леонид и Лисимах. Леонид – грубый неотесанный мужлан, родственник матери из Эпира. Он читал с трудом, не разбирался ни в музыке, ни в поэзии, но был исполнителен и упрям. «Сделай из мальчика воина», – требовал от него отец, и Леонид старался, как мог. Я голодал. Представляешь, сын правителя частенько ложился спать с пустым животом. «Лучший завтрак, – твердил мой наставник, – это ночной поход, а лучший ужин – скудный завтрак». Простые охранники питались лучше, чем я.

– Но почему ты не пожаловался отцу? – удивился Исмен.

– Жаловаться! На наставника! Опозорить себя! За кого ты меня считаешь? Как я, сын правителя и воина, мог жаловаться?

– Прости, гегемон, я еще плохо разбираюсь в ваших нравах.

– Такие наши нравы. Даже если бы я пожаловался отцу, он бы велел меня наказывать за слабость. Мать все понимала. Пока мы с наставником занимались вечерней гимнастикой, она тайком прокрадывалась в мои покои и прятала в укромных местах сладкие пирожки или лепешки с сыром и медом. Но Леонида не так-то просто было обвести. Он по едва уловимому запаху ароматных масел чуял, что в комнате побывала Олимпиада. Наставник переворачивал все вверх

дном, находил сладости и выкидывал в окно. Меня спасал Парменион. Он был лучшим другом Филиппа. Мужественный, стойкий Парменион. Когда он возвращался из похода, то прежде всего спешил с докладом к Филиппу, а после отбирал меня у Леонида и вел к себе домой, где я мог нормально поесть и отдохнуть хотя бы денек.

– А Филипп был хорошим воином? – осторожно спросил Исмен.

– Еще бы. Он был больше, чем воин. Он – гегемон. Представляешь, какая ему досталась страна. Еще в юности снискал доверие правителя Передикки. Македонии угрожали иллирийцы. Передикка решил их наказать и на полях Линкестиды понес жестокое поражение. Более четырех тысяч убитых македонян. Сам Передикка погиб. Иллирийцы захватили горные пастбища. С севера напали пэоны, а с востока готовились вторгнуться фракийские племена. Гибель Македонии казалась неизбежной.

– Так твой отец не был наследным правителем?

– Нет. Трон по праву принадлежал сыну Передикке, Аминту. Но тому едва исполнилось шесть лет. Что он мог сделать? Как защитить страну? Афины хотели уничтожить Македонию, как государство. Они потребовали, чтобы опекуном малолетнего Аминты стал Филипп. Дело в том, что отца, как представителя рода Аргеадов отправили заложником в Афины. Там он воспитывался и постигал воинские науки. Ох, как же ошиблись в нем граждане великого города! Надо признать гений Филиппа, как политика. Он щедро одаривал врагов золотом, начисто опустошив казну, раздавал обещания, которые никогда не выполнял, но спас Македонию. А потом, когда все поверили ему, узрев в нем покорного робкого льстеца и успокоились, Филип принялся создавать крепкую армию. И из кого? Из простых пастухов! Из ремесленников. Нищих бродяг ловил и ставил под копы. И ему удалось. Мои победы – отчасти его заслуга. Моя армия – часть его армии.

– Ты все же его любишь.

– Не знаю. Как можно любить человека, которого почти не знал, и который частенько забывал, что у него есть сын. Если бы ты его видел: невысокий, кривоногий, одноглазый..., но женщин любил без меры. Что не поход – то новая жена. Аудата из Иллирии, Филина из Фиссалии, Никесиполида, оттуда же, Меда из Фракии, Филадельфия из Элементии, моя мать: Олимпиада из Эпира и последняя – Клеопатра. Все молоденькие, красивые. Но он долго с ними не церемонился. Как только они ему надоедали, он кричал при всех «Уходи!», что обозначало полный разрыв. Каждый мальчик мечтает походить на отца, а я не хотел... Но Филипп не мой отец. Мне рассказала мать, что в их первую брачную ночь Филиппа принесли друзья вусмерть пьяного кинули к ней на ложе. Он не то, что совершить супружеские обязанности, даже пошевелиться не мог, до того нажрался. Олимпиада сильно перепугалась. Представь себе шестнадцатилетнюю девчонку впервые наедине с пьяным мужланом. Но она еще больше испугалась, когда в эту ночь над Пеллой разразилась небывалая гроза. Молнии ослепляли. Гром сотрясал стены так, что казалось, дома рухнут. И одна из молний Зевса ударила ей во чрево. Так я был зачат, зачат от Громовержца. Все! – устало произнес Александр. – Я хочу спать. Постели мне плащ. И вытолкай Гефестиона из шатра, иначе его храп не даст мне уснуть.

– Можно тебя попросить? – сказал Исмен, укладывая гегемона.

– Проси.

– Не причиняй зла Барсине. Лучше вымести гнев на мне.

– Как я могу ей причинить зло, – скупно улыбнулся Александр. – Открою тайну только тебе. Я влюблен в нее с десяти лет. Когда она покинула Пеллу, дал слово, что не прикаснусь ни к одной женщине, пока вновь не увижу ее.

* * *

С утренней зарей Исмена сменил другой Соматофилак. Мальчик разыскал шатер Уархага. Перед шатром спали Фидар и Колобуд. Репейника рядом не было, значит, пес все еще охраняет покой Барсины. Исмен втиснулся между воинами, укрылся с головой плащом и тут же уснул.

Его растолкал Уархаг:

– Вставай скорее!

Исмен вскочил на ноги.

– Что случилось?

– Только что соматофилак прибежал. Гегемон хочет тебя видеть.

Исмен бегом направился к шатру правителя. Охрана пропустила его. В шатре стоял ужасный запах перегара и немых тел. Собрались командиры отрядов и галдели, решая какой-то важный вопрос.

... – Надо догнать Дария, пока он не оправился и не собрал новые силы, – требовательно предлагал Парменион.

– У нас не прикрыт тыл, – возражал ему Неарх. – Афины опять затеяли двойную игру. Финикийский флот того и гляди высадит десант в Ионии. Тогда мы лишимся всех своих побед.

– Пойми же: схватив Дария, мы поставим Персию на колени, – уверял его Парменион.

– Не поставим, – не соглашался Птолемей. – Есть еще сатрап Фарнабаз. Уж он посильнее Дария. Наверняка, сам думает его прирезать и встать у власти.

– До чего же вы упрямые, – твердил Парменион. – После падения Суз и Вавилона, нам никто не будет страшен.

Александр молча и внимательно слушал перепалку, сидя на походном троне Дария.

– Так мы не придем к единому мнению, – сказал Гефестион. – Последнее и решающее слово за гегемоном.

Все замолчали и обратили взоры к Александру.

– Утром, пока вы отходили от похмелья, я принимал послов Дария.

Раздались удивленные возгласы.

– Правитель Персии предлагает примирение. Нет, не просит о примирении, он требует его. Послушайте, что пишет кшатра. – Александр развернул свиток светло-зеленого пергамента и начал читать: – Против своей воли я покинул свою столицу, собрал мирный народ и повел их защитить родную землю. Боги же, из каких бы побуждений они этого ни сделали, отвернулись от меня. Теперь вместо того, чтобы с обеих сторон и в дальнейшем жертвовать людьми, следовало бы заключить союз и впредь придерживаться мира. Но прежде всего ты вернешь мне мать, жену и моих детей, за которых я заплачу такой выкуп, – Александр обвел всех пристальным взглядом, – такой, что его не унесет вся Македония, и отдам в придачу земли до реки Галис²².

– Это неслыханная удача, – обрадовался Парменион. – Настоящая победа. Надо ему отвечать согласием.

– Я уже ответил, – остудил его Александр. – Пока вы спали, я отправил обратное послание.

– С миром?

– С войной.

²² Галис – Кизил-Ирмак, самая большая река Малой Азии, берет свое начало на Антитавре, течет сперва на запад, но затем, протекая через Галатию и образуя границу между Пафлагонией и Понтом, обращается к северу, после чего впадает в Евксинский Понт. Прежде эта река отделяла Лидийское царство от Персидского, а впоследствии вместе с горой Тавром – Малую Азию от остальной Азии.

- Но, Александр! – горестно воздел руки к небу Парменион.
- Я – Александр. Я – гегемон. Я решаю: быть войне или миру.
- Что же ты ему написал?
- Читай! – он протянул Парменион другой папирус.

Старый полководец развернул свиток и прочитал:

– Мой отец умер от рук вероломных убийц, которых вы на него натравили, чем и хвалились в своих письмах. Ты сам, Дарий, посылал деньги лакедемонянам и некоторым другим эллинам, чтобы настроить их на борьбу со мной; и, наконец, с помощью посланников ты пытался совратить моих друзей и разрушить тот мир, который я дал эллинам. После всего этого мне ничего не оставалось, как пойти войной на тебя, на человека, который присвоил себе трон, нарушив священные слова персов. – Парменион недовольно покачал головой.

– Разве я не прав? Разве Багой законно передал правление Дарию, убив всех детей Оха? Дальше! – требовал Александр.

– ... Одержав победу в справедливом бою над твоими полководцами и сатрапами, а теперь – и над тобой и твоей военной мощью, я милостью бессмертных богов являюсь также и властелином той земли, которой ты называешь своей.

– Правильно! Так его! Ты властелин! – горячо подхватили молодые командиры.

Александр призвал всех к молчанию. Парменион продолжал:

– Так как я теперь господин Азии, то я требую, чтобы ты пришел ко мне. Если же ты опасешься за свою жизнь, то вышли предварительно своих послов, которым будет сообщено о гарантиях свободного проезда. Передо мной ты будешь просить о твоей матери, твоей жене и твоих детях; будут выслушаны и все другие твои желания. Впрочем, если ты снова пошлешь письмо, ты должен обращаться к «Повелителю Азии».

– Повелитель Азии! – подхватили командиры.

– Я тебе не равный, а господин над всем тем, что было твоим. Если не проявишь покорность, то я поступлю с тобой как со слугой, оскорбившим господина... Но Александр, – развел руками Парменион. – Он все же еще правитель Персии.

– Пока правитель части Персии, – высокомерно поправил гегемон.

– Если ты придержишься другого мнения о том, кто теперь властитель, то я еще раз жду тебя для битвы в открытом поле. И не вздумай убегать! Потому что где бы ты ни был, я все равно найду тебя.

Все громко славили Александра, восхищаясь его дерзким ответом. Один Парменион понуро стоял с пергаментом и тяжело вздыхал.

Александр встал:

– Готовьтесь! Отправляемся преследовать Дария. Скоро вся Персия будет у наших ног!

Воодушевленные командиры расходились к своим отрядам. Исмен подошел к Александру.

– Ты звал меня, гегемон.

– Тебя? Ах, да! – Он положил руку на плечо Исмена и вывел его из шатра. – Я хочу, чтобы ты все забыл. Все, что я наговорил тебе вчера об отце и о матери. Отец мой был великим человеком, и я храню о нем только светлые воспоминания. Отец, есть отец. Он был отцом не только для меня, но и для всего народа Македонии.

– Я понял тебя, гегемон.

– Вот и отлично. А сейчас проводи меня, – попросил как-то робко Александр.

Исмен только теперь заметил, что гегемон одет во все новое, причесан и гладко выбрит. От его тела исходил тонкий аромат.

– Куда тебя сопроводить?

– К Барсине, – выдохнул он.

– К госпоже?

– Хочу еще раз признаться ей в своих чувствах. Надеюсь, на этот раз она меня не отвергнет. Но ты не думай, я не буду ее принуждать, как победитель жертву. Я – Александр из Аргедов. Благородство – главная черта нашего рода.

– Но ты рассказывал, как Филипп женился несколько раз, – неосторожно напомнил Исмен.

– Я же просил тебя забыть! – гневно потребовал Александр.

– Прости, гегемон.

– Пойди, возьми в шатре шкатулку с драгоценностями и догоняй меня.

Исмен метнулся в шатер, схватил тяжелую шкатулку со стола. Сразу не заметил Пармениона. Старик неподвижно сидел на стульчике. На лице его отобразилась печаль.

– Ты не болен? – заботливо спросил Исмен.

– Болен, мальчик мой. И болезнь моя неизлечима – старость. Я слишком стар для продолжительных походов. И перестая понимать, что творится вокруг. Не обращай внимания. Иди, догоняй гегемона. Ты успеешь за ним повсюду, а вот, я уже сбиваюсь с шага.

Непокорный город Тир

Армия продвигалась по трудной горной дороге вдоль побережья. Путь лежал к югу от Исского залива. По левую руку тянулся горный хребет, поросший густым лесом. По правую – шумело море. Миновали небольшой город Мирианд. От него повернули на восток. Передовые отряды уже вступили в теснину Бейланских ворот. Преодолев проход, войско Македонии должно было попасть на равнины Сирии, и дальше двигаться к Дамаску.

Александр ехал на белом коне, в белом хитоне. Белый плащ украшала золотая кайма. Плащ скрепляла на правом плече серебряная фибула с большим кровавым рубином. На голове круглая войлочная македонская шапочка – каусия.

Возле дороги копошилось множество пленников: ровняли землю, таскали камни, вбивали деревянные клинья для разметки. Александр остановился и внимательно осмотрел местность. Пологий склон шагов через сто переходил в отвесные скалы, за которыми начиналась расщелина Бейланских ворот. Он нашел взглядом в толпе человека с палеткой в руках. Человек руководил работами: громко отдавал команды строителям, ругал кого-то, указывал, где забивать колышки. Александр подозвал его жестом.

– Диад, почему ты здесь принялся возводить город? Я же приказал строить ближе к ущелью.

– Но, Александр, – оправдывался главный строитель. – Там, где ты указал, город будет плохо защищен. Посмотри: неудобный склон, и скалы нависают над проходом. А крепость должна стоять на открытой местности, чтобы к ней не смогли скрытно подобраться враги.

Александр взял из его рук палетку. Внимательно изучил план будущего города, сравнивая его с местностью.

– Хорошо, – согласился он. – Надеюсь на твой опыт. Только вот, в этом месте, – ткнул он пальцем в чертеж, – насыпь дополнительно земляной вал. А здесь еще одни ворота поставь с двумя крепкими башнями.

– Сделаю, – пообещал Диад.

Гегемон тронул коня вперед, но вдруг вновь остановился. Его внимание привлек смуглый худой пленник. Из одежды – одна набедренная повязка. Он неумело работал киркой, рыхля каменистую землю. Александр приказал надсмотрщику подвести пленного.

– Ты не воин? – спросил он у стройного высокого юноши со смуглой кожей и темными жесткими волосами. – Покажи руки.

– Не воин, господин. – Пленник протянул ладони вперед. На пальцах виднелись темные пятна от въевшихся чернил. – Я – писарь.

– Где обучался грамоте?

– В Доме Жизни Мемфиса²³.

– Так ты из Айгюптоса?

– Да, господин, я состоял при сатрапе Себеке. Он погиб в бою, а меня пленили.

– Какая у тебя ступень образования?

– Посвященный Амону²⁴, одна из высших.

– Освободить его, – тут же приказал Александр. – Будешь служить грамматеем при Евмене.

²³ Мемфис – древнеегипетский город, располагавшийся на рубеже Верхнего и Нижнего Египта, на западном берегу Нила. Существовал с начала 3-го тысячелетия до н. э. и до второй половины 1-го тысячелетия н. э.

²⁴ Амон – древнеегипетский бог Солнца, царь богов и покровитель власти фараонов

Юноша просиял от неожиданного счастья. Он хотел жарко поблагодарить гегемона, но Александр уже подзывал другого пленного, заинтересовавшего его. Низкорослый, коренастый перс с густой черной бородой предстал перед ним.

– Я встречал тебя? – спросил он у пленника.

– О, да, повелитель, – упал на колени бородач. – Я был в Пелле вместе с посольством Оха, когда ты, повелитель, еще только начинал взрослеть и учился у Аристотеля.

– Кем ты служил при посольстве?

– Проводником и переводчиком. Я знаю все дороги в каждой сатрапии. Мне известны расположения колодцев в пустынях и переправ через реки. Я могу по памяти начертить план укрепления многих городов.

– Как ты попал в плен?

– Дараявуш приказал умертвить всех моих сослуживцев. Никто из знающих пути не должен был попасть к тебе в руки. Но мне удалось убежать и избежать смерти.

– Так почему ты сразу не появился у моего шатра?

– Мне не позволили надсмотрщики. Я умолял, я объяснял им...

– Освободить его, – потребовал Александр. – Поступаешь на службу к Евмею. Вон того силача приведите, – указывал гегемон на следующего пленника, выделявшегося среди остальных высоким ростом и широкими плечами.

Пленник нехотя опустил на колени и склонил голову.

– Ты воин? – спросил Александр.

– Я командовал сотней артамака, – промывал пленник. – Мне не удалось погибнуть, защищая кшатру.

– Так ты из «Бессмертных».

– Да. Я клялся перед неугасающим огнем Ахуры Мазды отдать жизнь за правителя Персии.

– Теперь я – правитель Персии, – гордо воскликнул Александр. – Служи мне.

Пленник молчал.

– Ну, согласен?

Пленник продолжал хранить молчание.

Александр побагровел и часто задышал.

– Эй, надсмотрщик, – окликнул он гоплита, следящего за строителями. – Вот этот должен трудиться от зари до зари на самых тяжелых работах пока не сдохнет. Не жалей его. Понял меня?

– Да, гегемон! – ответил гоплит и тупым концом копья погнал пленника на стройплощадку.

Кавалерия гетайров вошла во влажную прохладную теснину. Вверху по скалам карабкались критские лучники, предупреждая засады. Над ущельем раскинулось синее чистое небо. Гетайры весело болтали, шутили, угощали друг друга слабым вином из своих походных фляг. Один Александр ехал задумчивый и молчаливый.

– О чем мысли твои? – пристал к нему Гефестион. – Тебя не отпускают воспоминания прошедшей ночи, которую ты так сладко провел в шатре самой красивой женщины Персии?

– Что ты хочешь услышать? – От колючего взгляда Александра Гефестион поежился. – Мы захватили вместе с обозом Дария множество прекрасных персиянок. Выбирай любую. Не хочешь персиянку? Так нас сопровождают лучшие гетеры из Афин. Сама Таис Прекрасная среди них. Но ты, Гефестион, предпочитаешь вместо общения с красавицами, напиться до беспамятства и пугать всех своим храпом.

– Я исправлюсь, – пообещал товарищ. – Но мое сердце пробито стрелой шутника Эрота.

– Кто же она?

– Дочь Дария.

- Какая из двух? – Александру стало интересно.
- Конечно же – старшая. Юная Сатира очаровала меня. Отдай мне этот чудный цветок. Обещаю быть с ней нежным и внимательным.
- Опомнись, Гефестион, – нахмурился Неарх, ехавший следом, – Ей всего-то тринадцать лет. Попросил бы лучше жену Дария.
- Никто не смеет приближаться к этим женщинам и даже взглянуть на них, – гневно оборвал его Александр.
- Но, почему? – не унимался Гефестион.
- Не уподобляйтесь диким варварам. Мы люди благородные, и должны держать себя в рамках приличия. Поищи себе подругу среди танцовщиц или среди гетер.
- Но ты же взял себе Барсину, – осторожно упрекнул его Гефестион. – Говорят, она тоже из гарема Дария...
- Не смей говорить о ней! – вспыхнул Александр, побагровев, словно солнце на закате.
- Прости, – испуганно воскликнул Гефестион.
- Простил, на этот раз. Но запомни, – Александр подъехал к нему вплотную и глухо произнес: – Если еще произнесешь ее имя, маленький скиф вгонит тебе кинжал под кадык. Сделаешь? – обернулся он к Исмену.
- Рука не дрогнет, – пообещал мальчик, бесстрашно взглянув Гефестиону в глаза.
- Сдаюсь, – подавленно ответил Гефестион.
- Их догнал Черный Клит. Он вел за собой старого коня, укрытого пестрой попоной.
- А вот и Буцефал, – обрадовался Александр. – Как он себя чувствует? Что сказал конюх?
- Как себя может чувствовать старый конь, – пожал плечами Клит. – Пересядешь на него?
- Нет. Пусть идет рядом.
- Зачем тебе этот старик? – поинтересовался Исмен, взглядом оценив коня. – Ты можешь купить сотню хороших. А на нем далеко не ускачешь. У нас таких старых отдают в жертву Фагимасаду, чтобы они не мучились. Если в табун его отпускать, там молодняк забьет его. Мы, обычно, привязываем старого коня ночью в степи к кольям. Волки, слуги Фагимасада, приходят и съедают.
- Гетайры, скакавшие рядом недовольно загудели, осуждая слова Исмена.
- Ох, ну и обряды у вас, – покачал головой Александр. Объяснил: – Буцефал дорог мне, как тебе дорог Цырда. Он – мой первый боевой конь, мой брат. Я сам его объездил.
- Сколько же лет тогда тебе было?
- Двенадцать. Правильно, Гефестион?
- Двенадцать, – подтвердил тот.
- Там, в Иссе, я увидел, как ты усмиряешь разбушевавшегося Цырда, и вспомнил себя, – признался гегемон. – Для меня это была великая победа. Я мальчишкой смог объездить дикого скакуна, на котором не усидели бывалые всадники.
- Я свидетель, – подтвердил Гефестион. – А дело было так: Филоник из Фиссалии, отец нашего юного Агенора, пригнал Филиппу лучших коней из своего табуна. Филипп сразу выбрал Буцефала и заплатил за него щедро: шестнадцать талантов золотом.
- Ох, и любитель ты приврать, – покачал головой Неарх. – Тринадцать талантов запросил Филоник, а сошлись они на десяти. Но тоже – огромная цена за коня.
- Все-то ты помнишь, – обиделся Гефестион. – Однако, не в цене дело. Коня никто не мог объездить. Буцефал скидывал даже самых умелых седоков. Сам Филипп чуть не свихнул шею, слетев с него. Тогда он разозлился и приказал пустить коня на мясо, сказав, что такого дикого зверя приручить невозможно. Александр попросил отца отдать ему Буцефала. Он догадался, что конь боится тени, и развернул его головой к солнцу. Буцефал успокоился и дал себя объездить.
- Верно. Так все и было, – подтвердили Неарх и Птолемей.

– Ну и напридумывал ты, Гефестион, – усмехнулся Александр. – Что за глупость: конь боится тени. Покажи мне коня, который убегает от собственной тени. Просто, Буцефал терпеть не мог пьяных. Даже я после бурных ночных празднеств никогда не подходил к нему, иначе рисковал получить удар копытом. Вот такой он гордый, мой Буцефал: не переносит пьяниц и жестокого обращения. Я никогда его не бил. А конюхи моего отца никогда трезвыми не бывали, да еще стегали нещадно его кнутами, надеясь таким образом усмирить гордый нрав сына Посейдона. Не вышло! Но мне Буцефал сразу понравился. Ни один конь с ним не сравнится: горячий, широкогрудый, с сильными стройными ногами, шея, словно литая. Когда его замученного и избитого приводили в конюшню после очередной попытки объездить, я тайком пробирался к нему. Сначала он не доверял мне, но постепенно привык. Я кормил его солеными лепешками. Вскоре он позволил заходить в стойло. Я смазывал маслом рубцы, оставленные кнутом, вытирал пот своим плащом.

– Зачем? – не понял Исмен.

– Чтобы запах от меня исходил, как и от него. Вскоре Буцефал разрешил надевать узду. Ночами, когда сторожа дрыхли, я облачался в плащ, пахнувший его потом, и выводил коня в поле. Не пробовал садиться на него, просто – бежал рядом. Мы ходили к реке, где я чистил его и поил свежей водой. Конь подружился со мной. Именно – подружился, а не подчинился. Подчинить его – невозможно. В нем живет гордый мятежный дух, впрочем, как и во мне. Может быть, именно этот дух нас и сблизил.

Однажды отец вместе с гетайрами собрался на охоту. Решил заколоть парочку кабанов. Я попросился с ними. «Поехали, – согласился Филипп. – Беги в конюшню, конюхи дадут тебе спокойную лошадку. Догоняй нас». Но я втайне от конюхов вывел Буцефала. Он спокойно дал надеть узду и закрепить чепрак на спине. От меня не несло перегаром, я его не бил, а кормил и ухаживал за ним – он не держал на меня зла.

– Но ты боялся первый раз сесть на него?

– Боялся. Очень боялся, – признался Александр. – Осторожно вскарабкался на спину Буцефалу и приготовился к тому, что он меня сейчас скинет. Но умный конь не стал брыкаться, лишь недовольно фыркнул и двинулся вперед. Я был легким и не причинял ему беспокойства, сидел и старался не дышать. А конь шел все быстрее и быстрее, пока не помчался галопом. Я пролетел мимо кавалькады гетайров, и все удивленно закричали: «Это Александр! Он оседлал Буцефала!» «Ну, вот! – то ли с досадой, то ли с гордостью за меня, воскликнул отец. – Сын уже отнял у меня лучшего скакуна. Эй, Александр, когда ты намереваешься отнять у меня и Македонию?» Я был до того счастлив, что мне покорился Буцефал. Меня так и распирало от гордости. Мне казалось, что теперь, наконец-то я стал мужчиной. Не осознавая сам того, я надерзил отцу. Крикнул в ответ: «Македония? Я не буду у тебя ее отбирать. Зачем мне маленькая страна с холодными горами, где еле растет трава, да скудными пастбищами, на которых даже козы голодают». Услышав такие слова, Филипп не на шутку разозлился. «Ах, так! – закричал он. – Тебе не нравится земля, которая выкормила тебя! Твоя родина не мила тебе? Так поищи страну побольше и завоюй ее. Не желаешь покорить Персию?» Все во мне вскипело, и я ответил: «Клянусь Зевсом, я так и сделаю!» Мы умчались с Буцефалом вперед, а отец еще долго что-то гневно кричал вслед.

– А после? Отец продолжал гневаться на тебя?

– Нет. Филипп был очень рассудительным. Когда он с гетайрами вернулся с охоты, вошел ко мне в покои и протянул старый ксифос правителя Передикки со словами: «Хватит носить детский кинжал. Ты стал воином, имеешь боевого коня, пора занять и настоящее оружие». Теперь понимаешь, как ценен для меня старый Буцефал. Подружившись с ним, я расстался с детством и дал свою первую клятву, которую сейчас выполняю.

– Разведчики с донесением!

Навстречу мчались всадники на разгоряченных конях. Они остановились перед Александром.

– Что там впереди? – спросил гегемон.

– Дарий приказал жителям покидать дома, сжигать посевы и вырубать сады. Скот угоняют с собой. Что не удастся увести, режут и бросают в колодцы. За Дамаском пылают поля. До самого Евфрата стелется выжженная пустыня.

Гетайры с тревогой поглядели на Александра.

– Может, все же попробуем дойти до Евфрата, – несмело предложил Клит.

– А если Дарий запрет все переправы? – рассуждал Неарх. – Евфрат – не Граника, его сходу не форсируешь. Чем будем кормить армию?

– Переправимся, – смело утверждал Птолемей. – Надо спешить, пока Дарий не собрал новые силы. Прорвемся на другой берег, а там – пусть попробует нас остановить...

Александр внимательно выслушал товарищей, затем спросил у разведчиков:

– Кто вступил в Бейланский проход?

– Продрома, – ответили ему.

– Прикажи им возвращаться. Идем на юг, в Финикию.

– Поворачиваем в другую сторону? Как же Дарий? – удивился Гефестион. – Ты же мечтал его пленить.

– Успею. Пусть пока сжигает свою страну. За это его проклянет собственный народ.

Сигнальщик протрубил. Ему эхом ответили трубы. Армия организованно развернулась и двинулась в другую сторону.

Шли очень быстро вдоль Ливанских гор²⁵, на юг. Природа постепенно менялась. Лугов становилось все меньше. Отвесные скалы теснили дорогу к морю. Высоко к облакам поднимался хребет. Склоны его покрывал густой кедровый лес, но самые вершины хребта белели снежными шапками. С другой стороны волны сотрясали прибрежные скалы, поднимая радужные тучи брызг.

В долгих изнурительных походах, еще при Филиппе выработалась строгая организованная система передвижения армии. Каждый пехотинец нес свое оружие и заплечный мешок со всем необходимым. Длинный сариссы фалангистов имели посередине стыка с медной втулкой. Копье разбиралось на две части и взваливалось на плечи. Быстрая Фракийская кавалерия стремительно летела перед армией, разведывая путь. Первыми шли продрома, легкие всадники в розовых хламидах. Четыре илы по двести человек, вооруженные дротиками и мечами. К разведчикам пристроились Фидар с Колобудом. За продромой Аристон вел две сотни пэонов из северных фракийских племен. После конные лучники одриссы под командованием Агафона. Одриссы не носили ни панцирей, ни шлемов. Лук, меч и небольшой щит – все их вооружение.

За легкой конницей следом тут же появлялись легковооруженные пехотинцы: выносимые критские лучники. Издревле критяне славились меткостью в стрельбе. На левой руке они носили небольшой щит, покрытый медью и отполированный до блеска. Им они слепили противника, когда вступали в перестрелку. Никакой другой защиты не имели, а голову укрывали широкой повязкой из ткани. Критяне делились на три отряда по пятьсот человек.

За критскими лучниками Атал вел тысячу агриан. Один из фракийских вождей отдал Александру своих лучших воинов. Александр очень ценил этих неприхотливых горцев. Им не было равных при штурме городов и боевых действиях в горах. Цепляясь за крохотные выступы, они могли взобраться на любую скалу, преодолеть любую стену. Но и в бою на равнине бились

²⁵ Ливанский хребет, – горный хребет в Ливане, известен также как Западный горный хребет Ливана. Протянулся через всю страну с юга на север вдоль побережья Средиземного моря длиной около 160 километров, параллельно хребту Антиливан, расположенному к востоку. Ливан от Антиливана отделяет Долина Бекаа. Высшая точка – гора Курнат-ас-Сауда, 3088 м. Вершины Ливанского хребта, высота которых превышает 1800 покрыты снегом почти 4 месяца в году; на вершинах, вздымающихся на высоту свыше 2500 метров, снег лежит примерно 6 месяцев в году.

отчаянно. Сделать шаг назад для агрианина – позор. В руках дротики, легкие щиты-пельты, деревянные или плетенные из лозы, обтянутые кожей. На голове шлем: у кого медный, а у кого кожаный. Одеты в серые грубые хламиды, а иные – в одежды из шкур.

Потом подтягивалась основная армия. Впереди шла ила гетайров во главе с самим Александром. Ила насчитывала около четырехсот всадников, вооруженных длинными копьями-кистонами, имеющими широкий листообразный наконечник, а на противоположном конце – заостренный бронзовый противовес. Через плечо перекинута перевязь с коротким широким ксифосом. Щитами гетайры пользовались редко. Круглые гопланы имели телохранители Александра, но лишь для того, чтобы прикрывать гегемона в случае опасности. Голову защищали куполообразным беотийским шлемом без нащечников и затылочного щитка. Тело закрывал толстый льняной панцирь, нередко с медным усилением. Все в иле Александра носили белые плащи с золотым узором. Все, кроме Клита. У того был черный плащ. Следом за илой гетайров командиры-илархи вели свои отряды в двести всадников: ила Белоземелья, ила Боти, ила Амфиополя, ила Анфема, далее – Верхней Македонии, и других провинций. Всего тысяча восемьсот копий.

За гетайрами шла фессалийская конница. Именно на обширных пастбищах Фессалии, что находилась южнее Македонии, выращивали отличных боевых коней. Именно в тех местах мужали лучшие всадники Эллады. Фессалийцами командовал старый опытный Парменион. Вооружались они точно так же, как и гитайры. Только плащи у них были фиолетового цвета с белой каймой, гордо именуемые «Фессалийскими крыльями». Их конница делилась на такие же илы по двести копий и составляла около тысячи восьмисот всадников.

После следовали три илы всадников эллинского союза из Элиды, Аркании, Этолии. Эллинские всадники носили красные плащи, коринфские шлемы с масками, не очень удобные в конном бою, прочные льняные панцири, усиленные медными пластинами. Копья у них чуть короче и легче кистонов, именуемые камаксами.

За конницей шли щитоносцы гипасписты, шесть хиларий по тысячу человек. Вооружены они были пиками длиной в шесть локтей, дротиками, ксифосами и круглыми щитами-аспидами с медным или даже бронзовым покрытием. Основная задача гипаспистов в бою: помогать коннице, поэтому воины имели легкую защиту: в основном беотийские шлемы, легкие льняные панцири и книмиды-поножи.

Следом топала основная сила македонской армии – фалангисты. Всего пять таксисов. В каждом таксисе примерно по две тысячи сариссофоров. Разборные сариссы несли на плечах. На головах островерхие медные шлемы пилосы. За спиной небольшой круглый щит аспид. На поясе короткий ксифос или махайр.

Далее шли эллинские «мстители», которых выделил Коринфский союз. Каждый эллинский полис, желавший отомстить персам за погромы Ксеркса, снарядил по одному лохосу: четыре сотни копий. Всего насчитывалось около семи тысяч гоплитов. На круглых щитах-гопланах красовались символы городов, откуда они родом.

Последним тащился обоз под защитой наемников. Наемники – всякий разномастный сброд из тех, кто пытается раздобыть себе немного денег, особо не напрягаясь, не работая от зари до зари в поле или на винограднике, не потея в мастерских и кузнях... Война для таких бездарей и лентяев – самое подходящее время. Кого здесь только не было: эллины, лидийцы, ионийцы, даже мидийцы – жители покоренных сатрапий. Толку в бою от них – никакого, но обоз, если что, от местных диких племен отбить смогут.

С обозом следовала огромная канцелярия. Десятки писцов-грамматеев вели ежедневные описания похода – эфемериды, в которых скрупулезно заносились все события. Землемеры, картографы, этнографы исследовали местность, по которой проходила армия, составляли гипомнематы – планы по освоению и заселению завоеванных территорий. Над всеми грамматеем и исследователями стоял строгий и дотошный архиграмматей Евмен из Кардии,

служивший секретарем еще Филиппу. Человек без нервов. Никогда ни на кого не повышал голос, но подчиненных своих держал в строгости. Он обладал отличной памятью, и в любой момент мог доложить Александру о запасах продовольствия, оружия, состоянии казны, о наличии боевых коней или скота на мясо. Александр очень ценил талант Евмена. Тыл – важнейшая составляющая армии в далеком походе.

Гетайры не всегда ехали верхом. Чтобы сберечь лошадей, частенько спешили и шли рядом. Боевой конь – не средство для передвижения. В бою он нужен свежий, с целыми ногами и с не стертым хребтом.

Однажды рядом с Исменом оказался сигнальщик. Вместо оружия сигнальщик держал длинную медную трубу.

Клит обернулся и крикнул сигнальщику:

– Командира агреан, Атала, требует к себе гегемон.

– Вызываю, – ответил сигнальщик.

– А как ты это сделаешь? – заинтересовался Исмен.

– Как обычно, – усмехнулся сигнальщик и пояснил: – У каждого подразделения свои позывные. Вот, слушай, сейчас я взываю к агреанам.

Он приложил трубу к губам и три раза отрывисто прогудел.

Далеко впереди послышался ответный вой.

– Слышал? Сигнал приняли. Сейчас я передам приказание, командиру явиться к гегемону.

Сигнальщик прогудел несколько раз, меняя тембр и продолжительность сигнала. Опять впереди ему ответили.

– Вот так управляется армия, – сказал довольный сигнальщик. – Представь, если в бою надо отдать команду с одного фланга на другой. Пока посыльный с приказом будет добираться до нужного подразделения, ситуация на поле боя может поменяться. А приказ уже не отменить. Но с помощью сигнальщиков можно мгновенно передать приказ об атаке, развернуть армию в нужном направлении, перестроить, призвать резерв на помощь.

Дорога становилась шире, горы отступали, открывая плодородные долины Финикии. Александр приказал подтянуться отставшим подразделениям. Гитайрам разрешил сесть на коней.

– Гегемон доверил тебе великую честь. – Клит передал Исмену большой круглый аспис. То был не просто щит. На его поверхности разворачивалась целая картина мира. Верхняя часть изображала небосвод, по которому плыло золотое солнце, а за ним месяц, искрились звезды. Внизу земля: горы, долины, города, пастбища. В одном городе люди веселились: играли музыканты, танцоры держались за руки, водя хоровод. Другой город осаждали захватчики. Барельеф искусно выполнен из меди, золота и белого олова.

– Что это? – изумился Исмен.

– Щит самого Ахилла. Александр взял его в храме, что стоит возле разрушенной Трои.

– Но его делал не оружейник, а ювелир.

– По преданию, сам Гефест²⁶ выковал этот аспис, – важно произнес Клит.

– Неужели, сам бог кузнечного дела изготовил щит для воина? – усомнился Исмен.

– Так, Ахилл – не просто воин. Хоть отцом ему приходился правитель миримодян, Пелей, зато матерью была морская богиня Фетида²⁷. Она заранее знала, какие испытания ждут ее сына. Втайне от отца, Фетида отнесла маленького Ахилла в глубокую пещеру, туда, где протекает Стикс. Окунула малыша в священные воды, отчего тело его стало неуязвимо. Единственным

²⁶ Гефест – в греческой мифологии бог огня, покровитель кузнечного ремесла и самый искусный кузнец.

²⁷ Фетида – в древнегреческой мифологии – морская нимфа, дочь Нерея и Дориды, по фессалийскому сказанию – дочь кентавра Хирона. «Нижняя часть её туловища мыслилась чешуйчатой, как у рыб».

слабым местом осталась пятка, за которую Фетида держала Ахилла. Потом, при штурме Трои, Парис убил героя, попав ему в ногу. Времена далекие. Линаторексов тогда не носили. Герои предпочитали сражаться обнаженными. Вся защита – шлем и гоплон. А мышцы Ахилла во время боя становились бронзовыми. Множество копий сломалось о его тело, сотни мечей затупилось, – пятка подвела. Говорят, после его гибели шлем достался Одиссею, а щит и копие товарищи Ахилла возложили на алтарь, в храме Зевса у Трои. Александр, как попал в Азию, сразу же воздал почести своему предку, совершив бег с факелом вокруг его могилы. В храме забрал оружие Ахилла, а на алтарь возложил свое.

* * *

Передовые отряды неожиданно появились у финикийского города Арада, нагнав на жителей жуткую панику. Не ждали здесь врага. Думали, что война идет где-то далеко за горами, возле Дамаска. И город защищать некому: почти все корабли с воинами нанял Мемнон, а потом и Фарнабаз для захвата островов.

Александр не спешил идти на штурм, хотя мог взять город с первого же приступа. Но он решил еще больше запугать горожан. Приказал разбить лагерь вблизи стен, да шатры расставить пошире, чтобы стан казался огромным. На виду у дрожавших от страха горожан, провел войсковой смотр с маневрами.

После столь грандиозного зрелища отцы города тотчас же поспешили открыть ворота и предстать перед Александром. Они появились в дорогих пурпурных одеждах до самой земли, в высоких головных уборах, холеные, с накладными завитыми бородами. Шли пешком, не посмели выехать на колесницах. В знак покорности лбы повязали красными лентами. Отцы города преподнесли щедрые дары в знак покорности. Гегемон принял их и пообещал не причинять зла жителям Арада, если город признает его покровительство и впустит небольшой гарнизон. Олигархи с облегчением выдохнули. В Финикии уже знали, что бывает, когда Александру оказывают сопротивление; слышали о развалинах, оставшихся от Милета и Галикарнаса, помнили участь разрушенных Фив.

А через несколько дней у шатра гегемона уже толпились важные посланники из Библа, Триполиса, Берита, Сидона, Акко. Не было среди них только послов самого могущественного города финикийского побережья – Тира. Дипломаты из Сидона заверяли Александра, что встречают его, как освободителя. Именно свободолюбивые сидонцы, недавно поднявшие восстание против персов, были жестоко наказаны. Проклятый Тир обещал помощи, но предал их.

Александр прибывал в хорошем расположении духа и устроил праздник в честь финикийских послов. Другьям своим он сказал:

– Надеюсь взять Финикию малой кровью. Городами правят торгаши – самый гнусный народец на земле. Алчность живет в их черных сердцах. Они ненавидят друг друга, поэтому не будут помогать, если какой-нибудь город вздумает мне сопротивляться. Да и не посмеет никто. Надеюсь без потерь дойти до Айгюптоса.

Но надежды его не оправдались. Наконец прибыли послы из Тира. Александр нахмурился, не увидев красные повязки на их головах. Держались посланники надменно, гордо, едва склонили головы перед гегемоном. В подарок поднесли Александру тяжеленный золотой венок. Гефестион взвесил венок на руках и криво ухмыльнулся.

– Если я его надену, то сломаю шею, – посмеялся Александр. – Что вы надеялись выразить этим подарком?

– То, что наш город самый богатый и самый могущественный в Финикии, – с достоинством ответили посланники.

– Почту за честь: принять у вас этот неподъемный дар, – не очень радостно поблагодарил их Александр. – В знак уважения к вашему городу, я хотел бы совершить жертвоприношение

покровителю Тира, богу Мелькарту²⁸, коего мы зовем Гераклом Тирским. А всем известно, что Геракл доводится мне предком по отцовской линии. Я желаю с сотней своих товарищей прибыть в храм через несколько дней и совершить жертвоприношение.

Послы переглянулись. Старший вежливо ответил:

– Мы восхищены и обрадованы твоим рвением ублажить всемогущего Мелькарта, нашего покровителя. С радостью распахнем ворота храма. Нам надо подготовить встречу. Если позволишь, мы посоветуемся, как лучше все устроить, и завтра дадим тебе ответ.

Лишь только посланники Тира удалились, Александр подозвал Эвмена, своего личного секретаря и тихо ему приказал:

- Вызывай лучших мастеров осадных машин. Только сделай все скрытно и быстро.
- Сделаю! – коротко ответил Эвмен.

* * *

Томирис вывела свою лошадку из загона. Нашла недалеко от лагеря небольшую равнину. Решила поупражняться с оружием. Погода выдалась отличная: тепло, мягко грело солнышко, но не жарило, ветерок с моря приносил свежесть. Раньше она всегда с Исменом разминалась. Но теперь, почти всегда он находился при Александре. С самого рассвета гегемон посылал соматофилака за Исменом и отпускал только поздно вечером. Зато Агенор тут же увязался следом на горячем рыжем коне. Предложил сразиться с ним. Томирис согласилась. Хоть Агенор и имел сильные руки, уверенно сидел на коне, как и все его фессалийские товарищи, но был неповоротлив. Они сходились. Томирис легко ускользала от его длинного кистона, оказывалась за спиной юноши. Изогнувшись вполоборота, била своим копьем ему в спину, конечно же, тупым концом.

– Как тебе это удается? – возмущался Агенор.

– С лошастью надо уметь управляться, – смеялась Томирис. – Не узду дергать, а ногами...

– Как это?

– Голені выше поднимай. Упирайся пятками в бедра лошади. Колени плотнее. Эх, фессалиец!

Ничего у него не получалось. Томирис очередной раз саданула Агенору сзади тупым концом копья в затылок, так, что шлем с высоким султаном из крашенных конских волос слетел на землю.

– Догоняй! – крикнула она, вставила копьё в чехол у правой ноги и пустила лошадь в галоп. Агенор, багровый от злости, погнался за девушкой. Томирис достала из горита лук, резко обернулась и пустила стрелы точно в грудь Агенора. Натягивала тетиву не сильно, только чтобы наконечник продырявил льняной панцирь. Попало точно меж бронзовых щитков.

– Ах, ты... – злился юноша, понукая коня.

Томирис позволила ему догнать себя. Он попытался достать ее кистонем. Но девушка резко отвернула лошадь в сторону. Тяжелый конь Агенора не мог так быстро менять направление. Пока юноша разворачивал жеребца, Томирис уже неслась на него сзади. Она вскочила ногами на чепрак и прыгнула вперед, свалив Агенора наземь. Мгновение – и Томирис сидела сверху, приставив кинжал к горлу.

²⁸ Мелькарт, Меликерт – в фишикийской религии и мифологии – бог-покровитель мореплавания и города Тира, отождествлявшийся греками с Гераклом. Почитался в Тире и Фасосе. Считалось, что «тирийский Геракл» был похоронен в Испании. В двуязычной надписи с Мальты имя Мелькарт переведено как Геракл-архевет. Согласно Менандру Эфесскому, его храм воздвиг царь Хиром. Геродот упоминает своё посещение тирского храма Мелькарта, называя его храмом Геракла Тирского. Фишикийцы также называли колоннами Мелькарта Гибралтар, откуда, вероятно, и произошло его греческое название Геркулесовы столпы. Есть легенда, как его статуя приплыла на плоту из Тира в Эрифры

Раздались одобрителные возгласы. Двое юношей, сидя на бугорке, наблюдают за поединком.

– Чего разгоготались? – недовольно крикнула Томирис, слезая с поверженного Агенора.

Зрители поднялись. Оба оказались высокие, статные, приятные лицом. Да и лица у них были почти одинаковые. Близнецы лет шестнадцати. Одежда длинная, холщевая, но не персидская. Широкие пояса с заткнутыми кинжалами выдавали воинов. Башлыки на голове завязаны по-особому.

– Прости нас, – расплылся в улыбке один из них. – Раньше никогда не встречали такой ловкой девушки.

– Уж не сама ли дочь богини Астар²⁹ предстала перед нами? – воскликнул второй. – Покажи еще какой-нибудь прием.

– Хочешь, голову тебе топором расколю с одного удара! – предложила Томирис, взвешивая на руке свой лабрис с длинной рукоятью.

– Не гневайся, о дочь Астар, – попросили юноши, молитвенно складывая руки. – Скажи: что будет с человеком, если его сердце пронзит твоя стрела.

– Он умрет, – не понимая, к чему клонят эти два одинаковых болвана, ответила Томирис.

– Вот и мы так думаем, – умрет. А ты только что подстрелила сразу двоих, и прямо в сердце. Мы зачнем, погибнем, если ты не согласишься выбрать одного из нас.

– Не соглашусь, – насупившись, ответила Томирис.

– И тебе не жалко нас? О дочь Астар.

Томирис презрительно хмыкнула.

– Разве мы уроды? Любой из нас осчастливит тебя. Всю вселенную положит к твоим ногам.

– Достаточно, – оборвала их речь Томирис. – Зря распяетесь. Я не дочь Астар, я – жрица Аргинпасы. Слышали о такой богине?

Близнецы переглянулись. Неуверенно, одновременно кивнули.

– За любовь к мужчине у нас следует наказание – смерть.

Юноши покраснели и стыдливо опустили глаза.

– Просим извинить нас, – сказал один из них. – Мы не знали...

– Теперь знайте.

– Мы уважаем твое беззаветное служение богини. У нас младшая сестра чистая жрица в храме Мелькарта. И мы сами принадлежим храму.

– Мелькарт? – переспросила Томирис. – Что за бог. Я ни разу о нем не слышала.

Братья удивленно посмотрели на нее.

– Один из могущественных богов Финикии, покровитель города Тира, – объяснил первый из близнецов.

– И мы его воины из земной свиты, – поддержал второй.

– Вот как! Ну, если вы жрецы, – это меняет дело. Приглашаю вас к нашему шатру, – позволила Томирис, садясь на лошадь. – Приходите с заходом солнца в лагерь, разыщите Уархага. Расскажите о себе и о своем боге.

– Ты нас приглашаешь? – радостно воскликнули братья.

²⁹ Астар – одно из наиболее загадочных божеств древнесемитских мифологий. В западносемитской мифологии Астар почитался наряду с Астартой (предполагают, как её супруг). В йеменской мифологии был верховным божеством (почитался во всех государствах Древнего Йемена). Предполагают, что Астар был грозным и сильным божеством войны и одновременно защитником, оберегавшим «от всякого разрушения», а также и божеством плодородия. Он был хранителем домов, гробниц и прочего. А также считался покровителем царской власти в сабейском государстве (в Сабее его супругой /или его ипостасью считалась Хавбас, в Хадремауте – Астарам, но были и другие ипостаси). Наиболее известная ипостась – Астар Шаркан («Восточный» или «Восходящий»). Многие должностные лица в Сабейском государстве были жрецами Астара, существовали многочисленные храмы. Священными животными этого божества считают быка и антилопу. Символы Астара: копьё, дверь (или рука и дверь), диск (над лежащим серпом луны).

– Но, если кто из вас посмеет взглянуть на меня, как жеребец на кобылку, тому враз горло перережу, – строго предупредила Томирис.

Исмен освободился к ночи, сдав пост другому соматофилаку. Когда же он подходил к шатру Уархага, то увидел в кругу друзей двух незнакомых воинов в длинной одежде, с широкими боевыми поясами. За поясами заткнуты кривые ножи. Но самое интересное: эти двое были похожи друг на друга, как два яйца в одном гнезде. Они вдохновенно рассказывали о чем-то. Фидар и Колобуд с интересом слушали. Уархаг возился с котлом, висевшим над костром. Тут же Томирис пристроилась поодаль и трепала по заливку дремавшего Репейника.

Девушка протянула Исмену кружку с водой. Он поблагодарил ее, устало опустил ее возле огня. Томирис села сзади него, поджав под себя ноги, и положила ему ладошки на плечи. Она теперь частенько так делала. Давала понять, что не хочет ни с кем говорить. Если к ней обращаются, Исмен должен отвечать за нее.

– Это посвященные воины из храма Мелькарта, – представил Фидар Исмену братьев. – Близнецы. Зовут их Яме и Птоло. А перед вами соматофилак самого Александра, Исмен из клана Луны.

– Здоровья и Силы, – пожелали братья с открытыми улыбками.

– Пусть благоволят вам боги, – ответил Исмен.

– Вы утверждаете, остров, на котором стоит ваш город, раньше свободно плавал в море? – продолжил прерванную беседу Фидар.

– Да. Его видели возле Крита, а на следующий день, он уже был далеко в море. Иногда подплывал к побережью Финикии, но вскоре опять волны отгоняли его. Однажды богиня Астар отдыхала на этом острове от повседневных забот. Ночью, когда она спала, убаюкиваемая шелестом волн, с неба упала звезда. От этой звезды Астар забеременела. Пришел срок рожать, и она вновь посетила остров. Родила на нем бога Мелькарта. Но Астар боялась показывать ребенка другим богам. Ее завистливая сестра и правительница подземного мира Эришкигаль могла погубить младенца. Астар отдала новорожденного кочевникам. Он рос, мужал, радовал приемных родителей. Но не нравилось ему кочевать по пустыням и горам, его тянуло к морю. Однажды пришел он на берег и увидел остров, на котором родился. Море тогда было спокойное, и он переплыл пролив. А на скалах увидел орла, боровшегося со змеей. Изловил Мелькарт орла и принес его в жертву острову. Как только кровь птицы упала на землю, так сразу остров врос в дно и больше не двигался.

– То, что ваш бог остановил остров – интересно, – сказал Фидар. – А какие еще деяния он совершил? Почему его почитают в ваших краях?

– Ну, как же! – воскликнули братья и наперебой стали объяснять: – Мелькарт научил людей строить корабли и ходить под парусом. Это он показал, как из раковин добывать пурпурную краску и выделывать ткань. Именно он придумал правила мена золота и серебра на товар, определил меры веса... Да много еще чего. Благодаря нему наш город самый богатый на побережье. Гавани всегда забиты торговыми кораблями. Караваны по суше каждый день спешат к Тиру. Таких огромных рынков, как в материковом городе Палетире, вы больше нигде не увидите. В Тир везут зерно из Айгюптоса и чистые свитки папируса для письма, с островов – вино и керамику, из Эллады – масло и оружие. С Ливанских гор по рекам сплавляют корабельный лес. Из Персии доставляют на торг лучших коней. Кочевники привозят шерсть и лен, из которых наши мастера ткут тонкую ткань, а затем красят ее. За плащ, побывавший трижды в чане с пурпурной краской, можно выменять колесницу с двумя конями или хороший дом. Наши корабельщики самые умелые. Корабли из Тира побывали во всех уголках ойкумены. Карфаген³⁰ основан нашими переселенцами.

³⁰ Карфагѐн – город на территории Туниса, вблизи современного города Тунис. Переводится с финикийского языка как «новый город».

– Так, вы прибыли вместе с посольством Тира? – поинтересовался Колобуд.

– Мы посвящены Мелькарту, служим охранниками верховному жрецу и великому прорицателю. А наша младшая сестра одна из лучших танцовщиц храма и чистая жрица. Она танцует только в большие праздники перед золотым столбом Мелькарта в присутствии высших жрецов. По ее движениям прорицатели угадывают будущее.

– Как же вы попали в жрецы? – спросил Исмен.

– Близнецы считаются посланными богами, – ответил один из братьев.

– А ваша сестра?

– Жрецы приметили ее, когда она была еще совсем маленькой. Как они распознают посланцев богов – великая тайна.

– Может, она обладает каким-то даром, или красотой. Она красивая? – спросил Исмен.

Томирис больно сжала его плечо. Повисло напряженное молчание. Исмен удивленно поглядел на друзей, на близнецов... Ничего не понял.

– Прости, воин, но нельзя так говорить о жрицах, – тактично объяснил один из братьев. – Чистая жрица – невеста бога. Ее лицо всегда скрыто от взоров простых смертных под накидкой. Ее голос никто не должен слышать. Ее тело всегда облачено в тяжелые одежды. Лишь только во время танцев она обнажается. И созерцать ее могут только посвященные. Иначе Боги отберут дар, и прорицатели не смогут предсказывать будущее по ее танцу.

– Да, – подтвердил второй брат. – Даже мы не помним облик нашей сестры. Но очень любим ее.

* * *

Посланники Тира на следующий день вновь появились перед Александром.

– Мы долго советовались и решили предложить тебе, о Непобедимый, не тратить время на посещение островного храма Мелькарта. Как раз в материковом городе Палетире есть старинное святилище. Мы организуем шествие в твою честь, подготовим праздник...

– Ах вы, жалкие лгуны, – вскипел Александр. – Я вижу вас насквозь. Думаете, Фарнабаз вас защитит? За глупца меня держите! Хотите со мной заключить мир и с персами продолжить отношения?

Послы не на шутку перепугались. Старший прорицатель протянул с мольбой руки к гегемону и принялся сбивчиво объяснять:

– Пойми нас, Непобедимый, мы не воины. Наш город живет торговлей. Мы не должны вмешиваться в войну. Торговля процветает только тогда, когда кругом царит мир. Мы обязаны придерживаться нейтралитета. Ворота Тира должны быть закрыты, как для Фарнабаза, так и для тебя. Даже Мемнон не смел приближаться к нашему городу. Но мы готовы снабдить твою армию всем необходимым: оружием, продовольствием, одеждой, обувью, кораблями...

– Я подумаю, – отпустил послов Александр. Но как только они покинули шатер, подозвал Аристона, командовавшего пэонами и Агафона, командира одриссов. – Немедленно выдвигайтесь к Тиру: перекройте все дороги, проведите разведку. Я с армией иду следом.

Командиры выбежали из шатра. Тут же к Александру приблизился Парменион.

– Неужели ты вздумал брать приступом Тир? – нахмутив седые брови, спросил он.

– Да.

– Но это непосильная для нас задача. Город расположен на острове, а у нас нет флота.

– Я не намерен менять решение.

– Тир еще никто не смог покорить, – напомнил ему Парменион.

– Значит, я буду первым. Постой! А как же правитель Вавилона, Навуходоносор³¹?

³¹ *Навуходоносор I (букв. «Набу первенца храни») – царь Вавилонии, правил приблизительно в 1125 – 1103 годах до н. э.*

– Он осаждал город тринадцать лет. Вспомни! Но, ни один воин Вавилона так и не вошел в крепость. Тир формально признал правителем Навуходоносора, на самом же деле, остался независимым.

– У меня нет тринадцати лет. Выступаем завтра же с рассветом.

* * *

Александр с командирами подошел к обрыву. Внизу изумрудные волны набегали на узкий желтый песчаный берег. Впереди будто плыл по голубовато-зеленой глади большой остров. Его окружали крепкие стены, местами выроставшие прямо из моря. Две гавани: Южная и Северная пестрели от парусов.

– Диад, – окликнул Александр военного инженера. – Что скажешь?

Высокий, чуть сутуловатый, рыжебородый человек, прищутив белесые ресницы, оглядел стены. Безнадежно покачал головой:

– Расстояние от берега не меньше четырех стадий. А волны какие ходят. На плотках здесь не переправиться.

От острова к ним направился узкий боевой корабль. На носу стоял коренастый воин в сияющем медном шлеме.

– Я Эгинора Тирский, командующий флотом этого вечного города. Хочу говорить с Александром из Македонии.

Александр чуть заметно кивнул Неарху.

– Я Неарх и рабдофор³² гегемона, – выступил тот вперед. – Александр не будет с тобой говорить. Он требует к себе правителя Азимилка.

– Великий правитель Азимилк не появится, пока не получит гарантии безопасности. Пусть посланники вручат ему охранную грамоту с личной печатью Александра.

– Отправь двух эллинов посланниками, – тихо приказал Александр Кратеру.

– А охранную грамоту? – напомнил Кратер.

– Пустой лист.

Посланники Александра взошли на корабль. Судно направилось к острову. Вскоре парламентаров сбросили со стен в море.

Все военачальники вопросительно глядели на Александра. Он сказал:

– Нам нельзя оставлять этот город в тылу и идти дальше. Нельзя повернуть и преследовать Дария, имея такую мощную вражескую крепость за спиной. На море господствуют персы. У Фарнабаза в руках Кипр, Айгюптос и множество островов. Если мы пойдем к Вавилону, персы могут вновь овладеть побережьем Ионии. Тогда Лакедемония начнет войну с Македонией. А к ним примкнут Афины, подстрекаемые Демосфеном и другими болтунами. С Афинами и все остальные города Коринфского союза выступят против нас. Сумеет ли Антипатр выстоять? Если нет, то какова будет цена всех наших прошлых побед? Нашей пролитой крови?

– Афины снабжают нас оружием, – несмело наполнил Неарх.

– Пока Афины больше удерживает страх, чем расположение к нам, но они легко могут предать, – возразил Александр. – Мы обязаны взять Тир. Падет этот город, и тогда вся Финикия будет у наших ног, весь флот перейдет на нашу сторону.

– Но как мы это сделаем? – ужаснулся Парменион. – Пока у нас нет флота. Да и наши воины привыкли сражаться в открытом поле, лицом к лицу с противником. Но даже это не главное. Как мы подойдем к острову?

– Как Дионисий Сиракузский подошел к городу Монтий.

Сын Нишурта-надин-шуми. В его правление начался новый, хотя и кратковременный подъём Вавилона.

³² Рабдофор – носитель жезла, приближенный

– Ты хочешь насыпать мол? – начал соображать Парменион.

– Диад, – вновь позвал инженера Александр. – Промерь дно и подготовь проект: как лучше сделать насыпь. Кратер, сгони сюда всех жителей окрестных селений. Пусть разбирают дома в Палетире и камень свозят к берегу. Аристарх, отправляйся в горы рубить лес для свай.

Тирийцы сначала не поверили в то, что македоняне действительно хотят насыпать перешеек. У самого берега дно оказалось неглубоким. Диад взялся за строительства по всем правилам: забивались деревянные сваи, укреплялись камнями, потом сыпали щебень. Сверху укладывали бревенчатый настил. За несколько дней мол выдался в море на целую стадию. Но внезапно ночью налетел шторм и разрушил половину работы.

Защитники ликовали и устроили праздник с театральным представлением, в котором издевались над Александром. Он предстал в виде соломенного чучела. Его долго били палками, а в конце сожгли.

Несмотря на неудачу, работы возобновили. Вереницы людей непрерывно тащили к берегу камни, бревна, корзины с песком. Сваи вколачивали глубже и чаще. Плотно засыпали промежутки щебнем и тщательно утрамбовывали.

К шатру Александра прибегали посыльные с донесениями. Соматафилаки носились с приказами. Приходили военачальники, строители. Внутри не смолкали споры. Вечно толпилось множество народу. К полуночи лагерь затихал. Утомленные воины спали. Но в шатре Александра еще долго горели светильники.

Исмен не сменялся, пока гегемон не ложился отдохнуть. В любой момент Александр мог потребовать его для важного поручения. Больше всего доверял именно ему.

Посыльный на потной лошади подкакал к шатру и передал свиток пергамента Исмену:

– Письмо от правительницы Кари, Адды.

Исмен вошел в шатер. Гефестион, как обычно, издавал залиvistый храп, растянувшись прямо на ковре. Тут же Неарх и Кратер лежал вповалку, увернувшись в плащи. Один Александр бодрствовал. На столе возвышалась модель осадной башни. Гегемон внимательно осматривал ее со всех сторон, пробовал наклонить, шатал стол.

– Еще бы нарастить локтей на пять, – бубнил он.

– Гегемон, дозвожь тебя отвлечь, – спросил Исмен.

– Что там?

– Письмо от правительницы Кари.

– От моей приемной матери, – усмехнулся он.

Развернул свиток, быстро пробежал первые строки:

– Дорогой мой сын... это понятно... Ты, как лев... еще бы... Боги шлют тебе удачу за удачей... А как они могут поступить иначе? О, нет! Посылаю тебе лучших моих поваров и изготовителей сладостей... – Он отдал обратно Исмену пергамент. – Читай дальше. – И вновь принялся качать модель башни, проверяя ее на прочность.

Исмен застыл со свитком в руках. Александр ждал, потом с удивлением обернулся:

– Ты не умеешь читать?

– Нет.

– Почему?

– Некогда было учиться.

Александр задумался.

– Не хорошо: мой лучший соматофилак, и не умеет читать... Завтра же прикажу Каллисфену заняться твоим обучением.

– Прости за дерзость, но зачем воину грамота? Разве недостаточно хорошо владеть оружием?

– Не достаточно, – нахмурился Александр. – Помни, что ты еще и человек. А человек обязан тянуться к знаниям, познавать искусство. У тебя появятся дети, и что ты им передашь?

Высушенные уши врагов? Не уподобляйся дикарям. Ты обязан постигать науки, пока юн. Да как вообще можно жить, не зная поэзии? – Глаза Александра загорелись. Он бросил свое занятие, раскопал среди вещей шкатулку, где раньше хранился скипетр власти Персии, и извлек из ее недр объемистый свиток, потряс им перед носом Исмена. – Илиада. – Любовно погладил папирус. – Сам Аристотель переписал мне ее и оставил свои комментарии. Для того, кто умеет читать, – ей цены нет. Для меня – это самая большая драгоценность.

– О чем же в ней рассказывается? – заинтересовался Исмен.

– О героях, живших давно. Совершавших подвиги, которыми мы до сих пор восхищаемся. Возможно, и о нас тоже напишут сказания поэты. Послушай. – Александр осторожно развернул свиток.

*– Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелева сына,
Гнев проклятый, страданий без счета принесший ахейцам,
Много сильных души героев пославший к Аиду,
Их же самих на съеденье отдавший добычею жадным
Птицам окрестным и псам. Это делалось, волею Зевса,
С самых тех пор, как впервые, поссорясь, расстались враждебно
Сын Атрея, владыка мурзей, и Пелид многосветлый.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.